Николаю Александровичу
Карпеневу

А. КАУФМАНЪ. на добрую память

ОБЩИННЫЕ ПОРЯДКИ

ВОСТОЧНЫХЪ ВОЛОСТЕЙ ТОМСКАГО ОКРУГА

И

СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПОЛОВИНЫ МАРІИНСКАГО ОКРУГА.

БИБЛІО М. П. М. ВОЛЯ МАРІИНЕ

ТОМСКЪ.
Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина, Магистратская, № 4.
1895.

Перепечатано изъ перваго выпуска „Алтайскаго Сборника“, 1894 года.

ОБЩИННЫЕ ПОРЯДКИ

ВОСТОЧНЫХЪ ВОЛОСТЕЙ ТОМСКАГО ОКРУГА И СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ ПОЛОВИНЫ МАРІИНСКАГО ОКРУГА.

Современная Сибирь представляетъ богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованія общины не только въ неподвижномъ состояніи, но и въ ея историческомъ развитіи. Въ Сибири сохранились еще такія формы землевладѣнія, которыя вездѣ уже исчезли и могутъ быть возстановлены только по догадкамъ,—формы, мыслимыя только при огромномъ земельномъ просторѣ и крайне рѣдкомъ населеніи. Наряду съ такими формами мы можемъ наблюдать въ Сибири еще другія крайне разнообразныя формы и типы землевладѣнія, соотвѣтствующія болѣе позднимъ фазисамъ заселенія страны, болѣе густому населенію и меньшему земельному простору,—начиная отъ разныхъ типовъ переходнаго характера и кончая такими, которыя ничѣмъ не отличаются отъ формъ, выработанныхъ общиною наиболѣе бѣдныхъ землей мѣстностей Европейской Россіи. Мало того: благодаря быстрому ходу заселенія Сибири, мы можемъ воочію наблюдать *самый процессъ перехода* отъ однѣхъ формъ землевладѣнія къ другимъ, и въ результатѣ изученіе сибирскихъ общинныхъ порядковъ можетъ дать ключъ къ раскрытію исторіи развитія общиннаго землевладѣнія, начиная съ самыхъ раннихъ и до самыхъ позднихъ фазисовъ этого развитія. Попытку намѣтить ходъ этого развитія на основаніи собраннаго до сихъ поръ матеріала мы надѣемся въ ближайшемъ будущемъ дать въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь мы намѣрены представить только сводъ матеріала по вопросу о формахъ землевладѣнія, собраннаго нами лично *) въ двухъ сопредѣльныхъ съ Алтаемъ округахъ Томской губерніи—Томскомъ и Маріинскомъ **). Матеріалъ этотъ, какъ намъ кажется,

*) Изслѣдованіе волостей Маріинскаго округа произведено было нами совмѣстно съ г. Каффка.

**) Матеріалъ этотъ въ нѣсколько болѣе подробномъ видѣ напечатанъ въ вышедшемъ только-что XVIII выпускѣ издаваемыхъ министерствомъ Госуд. Имущ. «Матеріаловъ для изученія экономич. быта госуд. крестьянъ въ Западной Сибири». Но такъ какъ эти «матеріалы» не пущены въ продажу и вообще почти недоступны для публики, то указанное обстоятельство едва-ли можетъ умалить интересъ сообщаемыхъ здѣсь данныхъ.

представляетъ тѣмъ большій интересъ, что онъ собранъ на самомъ исходѣ, такъ сказать, патріархальнаго періода жизни Сибири: усиливающіяся съ каждымъ годомъ переселенія и особенно желѣзная дорога въ близкомъ будущемъ покончатъ съ этимъ періодомъ, произведутъ между прочимъ радикальныя измѣненія въ сферѣ крестьянскаго хозяйства и землепользованія и сотрутъ изъ книги „застывшей исторіи общины", какою является для насъ общинная жизнь современнаго сибирскаго крестьянства, ея самыя интересныя страницы. Одну изъ этихъ, обреченныхъ гибели, страницъ мы и намѣрены представить въ настоящемъ очеркѣ.

Основную тему этого очерка должны составить земельно-податные порядки вышеназванныхъ округовъ. Но къ разработкѣ этой темы едва-ли можно приступить, не давъ предварительно хотя-бы самой общей характеристики физико-географическихъ условій, населенія и экономическаго склада, тѣхъ условій, на почвѣ которыхъ, очевидно, слагались общинные порядки изслѣдованной мѣстности.

I.

Мѣстность, общиннымъ порядкамъ которой посвящается настоящій очеркъ, обнимаетъ четыре восточныя волости Томскаго округа:—Нелюбинскую, Спасскую, Семилужную и Ишимскую,—и три сѣверо-западныя волости Маріинскаго округа:—Почитанскую, Зырянскую и Баимскую. По имѣющимся въ распоряженіи Министерства Государственныхъ Имуществъ даннымъ, площадь земель, вошедшихъ въ составъ дачъ этихъ семи волостей равна 1,287,923 десятинамъ или 12,384 кв. верстамъ, изъ коихъ 3,632 кв. версты входятъ въ составъ Томскаго округа, и 8,752—въ составъ Маріинскаго.

Изслѣдованныя мѣстности въ полномъ своемъ составѣ принадлежатъ къ бассейну р. Оби, но подходятъ къ самой этой рѣкѣ только крайнимъ своимъ западнымъ концомъ: на берегу Оби стоитъ только одно селеніе Нелюбинской волости (Позднякова), и вдоль этого-же берега на протяженіи около 20 верстъ протянулась западная граница названной волости. Затѣмъ, какъ въ физико-географическомъ строеніи, такъ и въ экономической жизни изслѣдованной мѣстности сама Обь не играетъ почти никакой роли: мѣстность эта принадлежитъ къ системамъ двухъ весьма крупныхъ судоходныхъ притоковъ Оби—Томи и Чулыма: къ системѣ Томи принадлежатъ три подгородныя волости Томскаго округа—Нелюбинская, Спасская и Семилужная, къ системѣ Чулыма—Ишимская волость (а также смежныя съ нею с. Подломное и д. Турунтаева Семилужн. вол.) и всѣ три волости Маріинскаго округа; водораздѣлъ между двумя системами проходитъ въ направленіи съ сѣвера на югъ чрезъ Чулымскую и Алтайскую тайги и пересѣкаетъ Сибирскій трактъ у д. Халдѣевой (Семилужной волости).

Въ отношеніи устройства поверхности изслѣдованныя волости Томскаго и Маріинскаго округовъ могутъ быть разбиты на двѣ части: меньшую, *холмистую* и бо́льшую, *равнинную*. Холмистый характеръ имѣютъ только южная, бо́льшая часть Спасской волости, ограничиваемая съ сѣвера линіею, проходящею приблизительно отъ устья Басандайки на востокъ къ с. Протопоповскому (с. Спасское, д. Батурина, селенія Нижне-Шубинскаго и Кучумо-Еркинскаго и отчасти—Заварзинскаго с. о.), ближайшая къ границѣ Спасской волости часть Алтайской тайги и юго-восточная окраина Баимской волости (с. Тяжинское, д. Теплая-рѣчка съ выселками, отчасти—село Константиновское). Къ мѣстностямъ равнинной группы отнесутся: Нелюбинская, Семилужная, Ишимская, Почитанская и Зырянская волости въ полномъ составѣ; въ Спасской волости—земли трехъ селеній, расположенныхъ къ западу отъ теченія р. Томи, и сѣверо-восточная окраина, прилегающая къ городскимъ землямъ и границѣ Семилужной волости; въ Баимской—вся мѣстность, расположенная къ западу отъ теченія Кіи и значительная часть пространства на востокъ отъ этой рѣки (с. Суслово, д. Ключевая, Примѣткина, Рубина, Богданова). Взглядъ на карту покажетъ, что мѣстности холмистой группы, поименованныя выше, составляютъ, можетъ быть, какую-нибудь двадцатую часть изслѣдованной мѣстности,—остальныя девятнадцать двадцатыхъ составляютъ мѣстности равниннаго характера.

Попытаемся теперь сдѣлать, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, характеристику рельефа мѣстностей той и другой группы.

Мѣстности *холмистой* группы представляютъ собою пространство, заполненное послѣдними отрогами хребта Алатау, постепенно сходящими „на нѣтъ“ и въ предѣлахъ изслѣдованной мѣстности достигающими совершенно незначительной вышины: опредѣляя глазомѣрно, можно сказать, что превышеніе самыхъ высокихъ вершинъ (самою высокою изъ всѣхъ считается „Федосѣевская гора“ въ Спасской волости) надъ уровнемъ при-Томской поймы не превышаетъ 40—45 саженъ. Отроги эти представляютъ собой гряды неправильной формы холмовъ, составляющіяся изъ рядовъ ясно обозначающихся вершинъ, раздѣляемыхъ болѣе или менѣе глубокими долинами; эти послѣднія иногда служатъ руслами небольшимъ рѣчкамъ или ручьямъ, но чаще совершенно лишены проточной воды и носятъ суходольный или болотный характеръ Не вдаваясь въ какія либо подробности спеціально-геологическаго характера, замѣтимъ только, что каменныя породы залегаютъ въ этой мѣстности весьма недалеко отъ поверхности и мѣстами выступаютъ наружу въ тѣхъ или другихъ естественныхъ разрѣзахъ.

Мѣстности равнинной группы въ свою очередь могутъ быть разбиты на двѣ подгруппы, которыя можно обозначить названіями юго-западной и юго-восточной. Не входя въ излишнія подробности, мы можемъ свести различіе

между тою и другою къ слѣдующимъ чертамъ: въ мѣстностяхъ юго-западной подгруппы, благодаря болѣе сильной размывающей дѣятельности водъ, пространствъ съ плоскимъ рельефомъ осталось совсѣмъ мало; громадную часть пространства занимаютъ здѣсь волнообразныя поверхности—„увалы“ и „перевалы“, такъ что основной равнинный характеръ мѣстности представляется до значительной степени замаскированнымъ. Въ мѣстностяхъ сѣверо-восточной подгруппы размывающая дѣятельность воды была гораздо слабѣе, равнинный характеръ мѣстности поэтому здѣсь сохранился въ гораздо болѣе чистомъ видѣ, и плоскія поверхности значительно преобладаютъ надъ покатыми, какія представляютъ собой „увалы“ рѣчныхъ долинъ.

Всѣ семь изслѣдованныхъ волостей представляютъ собой по своимъ естественнымъ свойствамъ мѣстности чисто лѣсистаго характера, съ преобладаніемъ на сѣверной окраинѣ (Зырянская вол. и сѣверная часть Ишимской) хвойныхъ породъ, на всемъ остальномъ пространствѣ—лиственныхъ и въ особенности—березы. Но значительная часть изслѣдованнаго края представляется уже въ большей или меньшей мѣрѣ обезлѣсенною: вблизи Томска —вслѣдствіе вырубокъ лѣса на продажу, вдали отъ него—вслѣдствіе расчистокъ лѣсныхъ площадей для обращенія ихъ въ пашню. Очень богата лѣсами и до настоящаго времени только та же сѣверная окраина изслѣдованнаго края—Зырянская волость и сѣверная часть Ишимской; на южныхъ-же окраинахъ мѣстами уже ощущается и недостатокъ въ лѣсѣ.

Населеніе изслѣдованныхъ семи волостей, по сдѣланному въ 1890 году волостными правленіями и провѣренному нами спеціальному исчисленію, состоитъ изъ 65.928 душъ обоего пола, изъ коихъ

въ 4 волостяхъ Томскаго округа.	31,197 душъ,
въ 3 волостяхъ Маріинскаго округа.	34,731 душа.

Цифры эти, однако, не выражаютъ собою всей численности населенія изслѣдованныхъ мѣстностей: не говоря уже о городскомъ населеніи, въ нихъ не включены, во-первыхъ, проживающія въ селеніяхъ лица привиллегированныхъ сословій, а равно и расположенныя въ нѣкоторыхъ трактовыхъ селеніяхъ воинскія этапныя команды; во вторыхъ, въ эти цифры не вошло населеніе образовавшихся позже 1885 года переселенческихъ поселковъ, не захваченныхъ въ кругъ настоящаго изслѣдованія, и въ третьихъ, въ общіе итоги не включены кочевые инородцы двухъ небольшихъ, расположенныхъ черезполосно съ русскими волостями Томскаго округа управъ—Ячинской и Эушгинской. Со включеніемъ всѣхъ этихъ элементовъ общая цифра населенія изслѣдованныхъ волостей поднялась-бы, по всей вѣроятности, приблизительно до 69 или 70 тысячъ душъ обоего пола.

Изслѣдованіе наше охватило, однако, не всѣ эти группы населенія: оно совершенно не коснулось составляющихъ лишь ничтожную часть населенія инородцевъ и сосредоточилось исключительно на русскомъ населеніи. По составу этого послѣдняго изслѣдованная мѣстность распадается на двѣ части, границы которыхъ совершенно совпадаютъ съ намѣченными выше границами прирѣчныхъ районовъ: къ одной отнесутся три подгородныя волости Томскаго округа (Спасская, Семилужная, Нелюбинская), къ другой — Ишимская волость (съ двумя ближайшими селеніями Семилужной) и всѣ три изслѣдованныя волости Маріинскаго округа.

Подгородный, при-Томскій районъ Томскаго округа, имѣющій своимъ центромъ такой крупный торгово-промышленный пунктъ, какъ городъ Томскъ, представляетъ собою мѣстность, правильное свободное заселеніе которой крестьянами русскаго происхожденія началось издавна и уже давно пріостановилось. Населеніе этого района до самаго недавняго времени состояло почти исключительно изъ крестьянъ старожиловъ (и ссыльныхъ), и только въ самые послѣдніе годы стали образовываться внутри этого района переселенческіе поселки.

Совсѣмъ другой характеръ представляетъ собою населеніе остальныхъ четырехъ волостей, которыя мы будемъ обозначать собирательнымъ названіемъ Чулымскаго района. Заселеніе этой мѣстности русскимъ элементомъ произошло въ сравнительно недавнее время. Въ самомъ дѣлѣ: если исключить тѣ селенія, которыя основаны въ теченіе второй и третьей четвертей настоящаго столѣтія, то окажется, что въ первой четверти послѣдняго существовали только слѣдующія русскія селенія:

въ Ишимской волости: с. *Ишимское*, д. *Медвѣдчикова*, с. *Мазаловское*, д. *Нижне-Великосельская*, Барнашова, д. Баранцева, Спасо-Яйская, Больше-Дорохова, Воронина-Яя, Большая и Малая Жировы, Воронина-Пашня, Старая-Кускова, с. Троицкое, д. Нижне-Дорохова, Боровая, с. Жарковское и д. Емельяновка;

въ Почитанской волости: с. *Колыонское*, *Почитанское*, *Берикульское*, д. *Больше-Песчанка*, *Постникова*, *Покровская*, с. Тундинское, Благовѣщенское, д. Листвянка, Калеулъ, Верхне-Великосельская, Бекетъ, Средняя и Нижняя Почитанки;

въ *Зырянской* волости: с. Зырянское, д. Арышева, Цыганова, Туиндатъ, Красноярская, Шиняева, Окунѣя, с. Чердатское;

въ *Баимской* волости: с. Баимское и *Кійское* (нынѣ г. Маріинскъ), с. *Суслово*, *Тяжинское*, д. *Подъельничная*, *Большой* и *Малый Антибесъ*, Тюменева, Тенгулинская.

Такимъ образомъ на пространствѣ болѣе милліона десятинъ или 10 тысячъ кв. верстъ разбросано было всего 47 русскихъ селеній, изъ которыхъ

15 самыхъ крупныхъ (названія которыхъ напечатаны курсивомъ) вытянулись вдоль линіи Сибирскаго тракта; но и изъ числа этихъ сорока семи можно выдѣлить нѣсколько селеній, основанныхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія: такъ д. Емельяновка (Ишимск. в.) основана переселенцами молоканами около 1815 года; къ с. Жарковскому приселилось въ 1822 году нѣсколько дворовъ переселенцевъ изъ Пермской губерніи; населеніе д. Верхне-Великосельской состоитъ изъ потомковъ переселенцевъ, водворившихся въ 1810 г.; въ 1815 году образована переселенцами изъ Рязанской и Пермской губерній д. Красноярская.

Во второй четверти настоящаго столѣтія наплыва переселенцевъ въ разсматриваемую мѣстность почти совершенно не замѣчается: въ это время пришло только нѣсколько дворовъ переселенцевъ изъ Рязанской губерніи, которые и приселились въ 1840 году къ старожильской д. Цыгановой.

Учрежденіе въ 1837 году Министерства Государственныхъ Имуществъ съ графомъ Киселевымъ во главѣ и постановленія „Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ“ дали сильный толчекъ заселенію Чулымскаго района: въ промежутокъ съ 1851 по 1853 годъ здѣсь было основано переселенцами 21 новое селеніе, и кромѣ того значительныя массы переселенцевъ приселились къ восьми старожильскимъ селеніямъ. Съ 1853 года наплывъ переселенцевъ вновь останавливается, но съ новою силой возобновляется въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ; въ это время въ теченіи четырехъ лѣтъ переселенцами образовано 10 новыхъ селеній, и значительныя партіи переселенцевъ приселились къ шести селеніямъ старожиловъ. Съ конца шестидесятыхъ годовъ массовый приливъ переселенцевъ совершенно прекращается и возобновляется только съ середины восьмидесятыхъ годовъ—съ открытіемъ дѣйствій отряда по образованію переселенческихъ участковъ: во второй половинѣ 80-хъ годовъ въ изслѣдованномъ краѣ образовался цѣлый рядъ новыхъ поселковъ; но поселки эти, какъ еще не окончательно сформировавшіеся, не были включены нами въ кругъ нашего изученія.

Въ результатѣ всего изложеннаго—крестьяне-новоселы составляютъ въ настоящее время бо́льшую половину населенія Чулымскаго района. Чтобы дать болѣе наглядную картину относительнаго значенія старожильскаго и переселенческаго элемента въ этомъ районѣ, мы разобьемъ всѣ селенія этого района на три группы: селенія чисто-старожильскія, чисто-переселенческія и смѣшанныя. Распредѣленіе селеній по этимъ группамъ изобразится въ слѣдующей таблицѣ:

Въ волостяхъ:	ОДНИ СТАРОЖИЛЫ.	ОДНИ НОВОСЕЛЫ.	СМѢШАННОЕ НАСЕЛЕНІЕ.
Семилужной.	д. *Турунтаева.*	—	с. *Подломское.*
Ишимской	с. *Ишимское*),* д. *Медвѣдчикова*, с. *Мазалово*, д. Баранцева, Больше-Жирова, Старо-Кускова, с. Троицкое, д. Нижне-Дорохова, Боровая, *Нижне-Великосельская*, Барнашева.	(Бедрина), Усманка, Феоктистова, Мало-Жирова, с. Ново-Кусковское, д. Сергѣева, Митрофановка, с. Архангельское, д. Емельяновка, Кайла, с. Данковское, Лебедянское, Судженское, Ольгинское, д. Марьевка.	д. Спасо-Яйская, Больше-Дорохова, Воронина Яя, с. Воронo-Пашенское, Жарковское.
Почитанской	с. *Почитанское*, д. Ср. и Нижн. Почитанки, с. *Берикульское*, д. Калеулъ, с. *Колыонское*, д. *Покровская*, *Больше-Песчанка*, *Постникова.*	с. Летяжское, Мало-Песчанское, Камышенское, д. Воскресенская, с. Троицкое, д. Кирсановка, д. Красный Яръ, с. Ижморское.	с. Тундинское, д. Ипствянка, Верхне-Великосельская, Бекетъ, д. *Теплая-рѣчка.*
Баимской	д. Баимская, Кійское с. о. (Маріинскъ), Большой и *Малый Антибесъ*, *Подъельничная*, *Тюменева*, с. *Тяжинское.*	с. Константиновское, д. *Ключевая* с. Благовѣщенское, д. Комиссаровка, Теплая-Рѣчка, Примѣткина, Рубина, Богданова.	с. *Суслово*, д. Тенгулы.
Зырянской	с. Зырянское, д. Туиндатъ, Шиняева, Окунѣя.	д. Дубровка, с. Семеновское, д. Красноярская, с. Михайловское, Богусловское, д. Тавлинская, Иловка.	с. Чердатское, д. Арышева, Цыганова.

Мы нѣсколько обстоятельнѣе, нежели слѣдовало при вводномъ, вспомогательномъ характерѣ этой главы, остановились на вопросѣ объ отношеніи старожильскаго и переселенческаго элемента въ составѣ населенія изслѣдованнаго края. Мы считали полезнымъ сдѣлать это главнымъ образомъ въ виду существованія въ литературѣ мнѣнія, будто переселенцы, въ противуположность старожиламъ, являются въ Сибири носителями всякаго прогресса и, между прочимъ, прогресса общинной жизни. Здѣсь мы не имѣемъ возможности войти въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса по отношенію къ изслѣдованному нами краю. Но всякій читатель, сопоставивъ приведенныя здѣсь данныя съ дальнѣйшимъ изложеніемъ, будетъ въ состояніи убѣдиться, что приведенное выше мнѣніе по отношенію къ этому краю совершенно не подтверждается; что тѣ или другія формы землевладѣнія зависятъ *исключительно* отъ общаго склада земельныхъ и вообще экономическихъ условій и не находятся ни въ какой причинной связи съ преобладаніемъ въ населе-

*) Курсивомъ напечатаны названія трактовыхъ селеній.

нiи старожильскаго или переселенческаго элемента. Если и наблюдается нѣкоторая связь сосуществованія, то эта связь говоритъ *не въ пользу*, а *противъ* приведеннаго мнѣнія: наиболѣе прогрессивныя явленія общинной жизни наблюдаются въ населенномъ одними старожилами Томскомъ районѣ. Но мы не впадемъ, конечно, въ ошибку ярыхъ друзей переселенцевъ и не вздумаемъ приписать этого явленія особому развитію общиннаго духа въ старожилахъ-сибирякахъ!...

Итакъ, мы видѣли, что изслѣдованныя семь волостей по географическимъ условіямъ могутъ быть разбиты на двѣ неравныя части, принадлежащія: одна—къ системѣ р. Томи, другая—къ системѣ р. Чулыма; эти части мы обозначили названіями Томскаго и Чулымскаго районовъ. Мы видѣли далѣе, что съ этимъ чисто географическимъ различіемъ совпадаетъ различіе этихъ двухъ районовъ по составу населенія: Томскій районъ, издавна заселенный русскими, населенъ въ настоящее время почти исключительно крестьянами-старожилами; Чулымскій районъ, особенно въ его удаленныхъ отъ тракта участкахъ, началъ заселяться русскими сравнительно недавно, и въ населеніи его преобладаютъ еще не успѣвшіе забыть своей первоначальной родины новоселы. Если затѣмъ принять въ соображеніе подгородное мѣстоположеніе волостей Томскаго района, окружающихъ со всѣхъ сторонъ такой крупный центръ, какъ Томскъ, то естественно возникнетъ предположеніе, что географическимъ и этнографическимъ особенностямъ двухъ намѣченныхъ нами районовъ соотвѣтствуютъ и различія въ экономическихъ основаніяхъ народной жизни. И въ самомъ дѣлѣ: обращаясь къ имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ о размѣрахъ засѣвавшихся крестьянами въ 1890 г. площадей, мы извлекаемъ изъ нихъ слѣдующія цифры:

	Общее число дворовъ.	Общее количество засѣянныхъ десятинъ.	Средній размѣръ посѣва на 1 дворъ десятинъ.
а) *Томскій районъ.*			
Пелюбинская волость	1,207	1,467	1,2
Спасская „	1,126	1,843	1,6
Семилужная „	1,146	1,985	1,7
Итого по Томскому району . .	3,479	5.295	1,5
б) *Чулымскій районъ.*			
2 селенія Семилужной волости	182	1,158	6,3
Ишимская волость	2,509	12,515	5,0
Почитанская „	2,812	19,529	6,8
Зырянская „	1,203	9,203	7,7
Баимская „	2,087	9,504	4,6
Итого по Чулымскому району .	8,793	51,909	5,9

Такимъ образомъ средній на одинъ дворъ размѣръ посѣвной площади въ Чулымскомъ районѣ вчетверо болѣе, нежели въ Томскомъ. Такая огромная разница, которая никакъ не можетъ быть сведена къ вліянію какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ, уже достаточно ясно показываетъ, что роль хлѣбопашества въ той и другой мѣстности существенно различна. И дѣйствительно, экономическое изслѣдованіе показало, что Томскій районъ, разсматриваемый какъ одно цѣлое, основываетъ свое благосостояніе на тѣхъ или другихъ неземледѣльческихъ заработкахъ; Чулымскій же,—напротивъ, существуетъ если не исключительно, то почти исключительно земледѣліемъ и отчасти скотоводствомъ: земледѣліе не только пропитываетъ здѣсь населеніе, но и даетъ въ среднемъ болѣе полумилліона пудовъ избыточнаго хлѣба, продажа котораго является важнѣйшимъ источникомъ для покрытія всѣхъ остальныхъ потребностей населенія. Правда, детальное изученіе вопроса о значеніи земледѣлія показываетъ, что и внутри каждаго изъ намѣченныхъ нами двухъ районовъ вопросъ о роли и значеніи хлѣбопашества разрѣшается далеко не единообразно: наряду съ селеніями и группами селеній, гдѣ хлѣбопашество вовсе не существуетъ или является занятіемъ немногочисленныхъ отдѣльныхъ дворовъ, мы найдемъ въ Томскомъ районѣ не мало и такихъ мѣстностей, гдѣ хлѣбопашествомъ занимается, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ, большинство населенія; подобнымъ-же образомъ въ Чулымскомъ районѣ наряду съ мѣстностями, имѣющими значительный избытокъ въ хлѣбѣ, есть не мало такихъ, гдѣ хлѣба хватаетъ только для собственнаго продовольствія населенія (такой характеръ имѣетъ, напримѣръ, разсматриваемая какъ цѣлое, вся Баимская волость); а попадаются и такія селенія и небольшія группы селеній, которыя прикупаютъ хлѣбъ; наряду съ мѣстностями преобладающаго чисто-земледѣльческаго типа попадаются и группы селеній съ болѣе развитою промысловою дѣятельностью. Но эти различія суть различія только въ оттѣнкахъ, совершенно не нарушающія правильности установленнаго нами коренного различія въ экономической характеристикѣ двухъ установленныхъ нами районовъ: *Чулымскаго, какъ района земледѣльческаго, а Томскаго района, какъ мѣстности неземледѣльческаго характера.*

Но такая характеристика имѣетъ положительное содержаніе только по отношенію къ одному изъ районовъ—Чулымскому; Томскій же районъ она опредѣляетъ лишь однимъ отрицательнымъ признакомъ. Положительную характеристику этому району даетъ его пригородное мѣстоположеніе—его близость къ такому крупному центру, какимъ является Томскъ для Западной Сибири, да и для всей Сибири вообще. Если, въ самомъ дѣлѣ, попытаться классифицировать занятія населенія при-Томскихъ волостей, то прежде всего выдѣлится рядъ занятій, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе соотвѣтствующаго ряда потребностей собственно-городского населенія: весь пригородный

районъ снабжаетъ Томскъ дровами, затѣмъ, болѣе или менѣе значительныя группы населенія этого района работаютъ для удовлетворенія потребности горожанъ въ лѣсѣ и камнѣ для построекъ, въ огородныхъ овощахъ и молочныхъ продуктахъ, а также въ грибахъ, ягодахъ, дичи для ихъ продовольствія; нѣкоторыя селенія снабжаютъ болѣе зажиточный классъ городского населенія дачными помѣщеніями. Далѣе, другой, не менѣе важный рядъ занятій направленъ къ *удовлетворенію потребностей Томска, какъ узлового пункта западно-сибирскихъ водяныхъ и гужевыхъ сообщеній:* вся Семилужная и Спасская волость снабжаетъ Томскъ сѣномъ, потребляемымъ преимущественно обозными лошадьми, и даетъ рабочихъ для уборки и вывозки заготовляемаго для той-же цѣли самими горожанами сѣна; подгородное населеніе, затѣмъ, снабжаетъ Томскъ всѣми деревянными издѣліями, необходимыми для снаряженія мѣстныхъ и ремонта проходящихъ черезъ Томскъ обозовъ: санями, телѣжными кузовами, осями, колесами, дугами, оглоблями, углемъ для городскихъ кузницъ и т. п.; оно работаетъ на группирующихся вокругъ Томска пристаняхъ и на сходящихся къ этому городу и расходящихся отъ него пароходахъ и другихъ судахъ. Наконецъ, третья, гораздо менѣе существенная группа заработковъ—это *заработки при* группирующихся около такого центра, какъ Томскъ, *крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ*: крупчатныхъ, винокуренныхъ и иныхъ заводахъ. Если вычесть всѣ перечисленные виды занятій населенія Томскаго района, возникновеніемъ своимъ обязанные вліянію близости города, то останется какихъ нибудь два-три вида занятій, не находящихся въ зависимости отъ этого вліянія: таковы кедровый промыселъ, рыболовство, отчасти, можетъ быть, ягодный и охотничій промыслы—все занятія, играющія въ жизни населенія второстепенную роль. Ясно поэтому, что *всѣ три волости Томскаго района должны быть признаны мѣстностями чисто-пригороднаго типа.*

Итакъ, *Томскій пригородный*, и *Чулымскій земледѣльческій* районы—таковы двѣ главныя группы мѣстностей, на которыя, въ силу всей совокупности естественныхъ и экономическихъ условій раздѣляется изслѣдованный край: къ первому—напомнимъ еще разъ—принадлежатъ волости Спасская, Семилужная и Нелюбинская, ко второму—Ишимская, Почитанская, Зырянская и Баимская. Мы однако совершенно игнорировали до сихъ поръ вліяніе одного, чрезвычайно существеннаго фактора—*главнаго Сибирскаго тракта,* который прорѣзываетъ почти по срединѣ всю описываемую половину Маріинскаго округа, а также Ишимскую и Семилужную волости Томскаго округа. Между тѣмъ вліяніе тракта на складъ жизни при-трактоваго населенія чрезвычайно сильно. Принадлежитъ-ли селеніе по своему мѣстоположенію къ Чулымскому или Томскому району, занимается-ли его населеніе земледѣліемъ или извлекаетъ доходъ изъ своей близости къ Томску,—

разъ селеніе находится на Сибирскомъ трактѣ, значеніе этихъ источниковъ благосостоянія во всякомъ случаѣ меркнетъ передъ значеніемъ „большой дороги“. „Не пашня насъ кормитъ, а большая дорога“,—„мы съ бичика живемъ“, говоритъ трактовый мужикъ. И въ самомъ дѣлѣ, трактъ — это тотъ пульсъ, біеніемъ котораго живетъ все притрактовое населеніе и который кладетъ на послѣднее неизгладимый отпечатокъ. Впрочемъ, въ интересующемъ насъ вопросѣ о формахъ землевладѣнія вліяніе тракта не представляется существеннымъ, почему мы и не будемъ вдаваться здѣсь въ характеристику „трактоваго подъ-района“, который въ другихъ отношеніяхъ рѣзко отличается отъ внѣ-трактовыхъ мѣстностей и Томскаго, и Чулымскаго районовъ.

II.

Прежде нежели перейти къ общинно-земельнымъ распорядкамъ, мы должны были-бы еще дать очеркъ основаній владѣнія и обзоръ разграниченія земельныхъ дачъ. Къ сожалѣнію, въ виду крайней ограниченности бывшаго въ нашемъ распоряженіи времени, мы совершенно не имѣли возможности заняться розысканіемъ и изученіемъ того документальнаго и особенно планового матеріала, который одинъ только и могъ-бы дать полное и правильное понятіе объ юридическихъ основаніяхъ владѣнія землей въ изслѣдованномъ краѣ. Въ виду этого мы находимъ себя вынужденными оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, и будемъ говорить только о фактическомъ положеніи мѣстнаго землевладѣнія, лишь при случаѣ упоминая, насколько это окажется возможнымъ на основаніи разспросныхъ и др. данныхъ, о послужившихъ ему основаніемъ межевыхъ дѣйствіяхъ.

Въ видѣ общаго правила можно сказать, что крестьянское населеніе изслѣдованнаго края живетъ на казенныхъ земляхъ, отведенныхъ въ его пользованіе и закрѣпленныхъ въ послѣднемъ съ отграниченіемъ какъ отъ земель единственнаго владѣнія казны, такъ и отъ земель инородческихъ, городскихъ и частновладѣльческихъ (какія имѣются въ ближайшихъ окрестностяхъ Томска) межевыми знаками. Но изъ этого общаго правила мы находимъ цѣлый рядъ исключеній, къ обзору которыхъ мы и должны перейти.

Мы должны указать прежде всего на входящій въ составъ подлежащаго изслѣдованію края участокъ, принадлежность котораго казнѣ представляется спорною. Это—южная окраина Спасской волости, въ составъ которой входятъ земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ д. Батуриной и Кондинской, а отчасти также с. Спасскаго, д. Ипатовой, Лучановой, Бѣлоусовой, Нижне-Шубиной и Аксеновой, присваиваемая съ одной стороны казною, съ другой—Кабинетомъ Его Величества. Если можно вѣрить показанію крестьянъ, то землевладѣніе двухъ вѣдомствъ до сравнительно недавняго времени

разграничивалось межею, проведенною еще въ началѣ настоящаго столѣтія; межа эта проходила, между прочимъ, по р. Тугояковкѣ, южнѣе д. Батуриной, и оставляла какъ это, такъ и остальныя перечисленныя селенія въ районѣ земель казеннаго владѣнія. Въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ проведена была новая межа, которая прошла верстъ на 12 къ сѣверу отъ первой, сѣвернѣе с. Спасскаго, перерѣзавъ участки какъ этого селенія, такъ и д. Ипатовой, Лучановой, Аксеновой, Н.-Шубиной и Бѣлоусовой. Земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ д. Батуриной и Кондинской оказалась такимъ образомъ цѣликомъ принадлежащею Кабинету. Землепользованіе остальныхъ шести селеній распредѣлилось между двумя вѣдомствами слѣдующимъ образомъ:

	Въ чертѣ кабинетскихъ земель.	Въ чертѣ казенныхъ земель.
Въ пользованіи с. Спасскаго. . . .	?	?
„ „ д. Ипатовой. . . .	2,245 дес.	112 дес.
„ „ „ Лучановой . . .	146 „	2,379 „
„ „ „ Аксеновой . . .	1,122 „	699 „
„ „ „ Бѣлоусовой . . .	961 „	1,929 „
„ „ „ Н.-Шубиной. . . .	389 „	1,321 „

Вопросъ о правильности той или другой межи, а слѣдовательно и о принадлежности земли, состоящей въ участкахъ поименованныхъ селеній, до сихъ поръ не получилъ еще окончательнаго разрѣшенія, а находится на разсмотрѣніи подлежащихъ учрежденій.

Довольно много недоразумѣній вызываютъ затѣмъ земельныя отношенія крестьянъ къ живущимъ по сосѣдству съ ними инородцамъ. Исключеніе составляютъ, повидимому, только инородцы-татары Эуштинской управы, пользующіеся землей въ точно отграниченныхъ отъ дачъ селеній смежной Нелюбинской волости дачахъ; никакихъ указаній на какіе-либо споры или недоразумѣнія между Нелюбинскими крестьянами и Эуштинскими инородцами въ нашихъ матеріалахъ, по крайней мѣрѣ, не имѣется. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ сосѣдства крестьянъ съ инородцами мы имѣемъ дѣло либо со вторженіями первыхъ въ инородческія дачи, либо послѣднихъ—въ дачи крестьянскихъ волостей.

Со случаемъ перваго рода мы встрѣчаемся въ рядѣ селеній сѣверной окраины Ишимской волости,—именно въ четырехъ за-Чулымскихъ селеніяхъ: с. Троицкомъ, д. Ниж.-Дороховой, Боровой и Сергѣевой. Всѣ эти селенія, какъ видно, между прочимъ, изъ плана съемки 1867 года, расположены на землѣ, присваиваемой кочевыми инородцами, и въ смыслѣ фактическаго землепользованія составляютъ по отношенію къ собственно земельнымъ угодьямъ одно цѣлое съ инородцами юртъ Ежей, Пышкинскихъ и д. Сергѣевой,

но по отношенію къ рыболовнымъ угодьямъ и къ праву охоты—со всѣмъ Троицкимъ приходомъ, т. е. съ инородческими юртами, расположенными на 100 верстъ внизъ по теченію Чулыма. Въ послѣднее время инородцы неоднократно обращались къ подлежащимъ учрежденіямъ съ ходатайствами о выселеніи крестьянъ; всѣ эти ходатайства оставлялись безъ послѣдствій, и въ настоящее время инородцы повидимому совершенно отказались отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Неясною представляется и граница крестьянскаго землевладѣнія въ двухъ крайнихъ, сѣверныхъ изъ селеній Ишимской волости, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Чулыма—с. Ново-Кусковскаго и д. Старо-Кусковой. Съ одной стороны, не далѣе какъ въ 1890 году, довольно значительная часть состоявшихъ въ пользованіи крестьянъ этихъ селеній луговъ (на островѣ Ежовскомъ) оказалась принадлежащею инородцамъ юртъ Ежей и отошла въ ихъ пользованіе; съ другой стороны, фактическое землепользованіе крестьянъ этихъ двухъ селеній распространялось на западъ въ предѣлы Чулымской казенной лѣсной дачи. Такое пользованіе очень долго не встрѣчало никакихъ препятствій или стѣсненій; лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ за самовольное пользованіе землею, входящею въ составъ казенной дачи, стали брать штрафы, воизбѣжаніе которыхъ крестьяне, имѣвшіе въ чертѣ казенной дачи пасѣку или запашку, начали вносить въ казну арендную плату. Въ 1890 году на этой землѣ былъ вырѣзанъ участокъ для новаго поселка, образованнаго переселенцами изъ Казанской губерніи, причемъ, между прочимъ, оказалось, что даже часть усадебъ с. Ново-Кусковскаго стоитъ на землѣ, входящей въ составъ дачъ единственнаго владѣнія казны.

Этотъ случай былъ далеко не единственнымъ случаемъ самовольнаго пользованія землями, входящими въ составъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Землями этими еще въ то время, когда мы производили изслѣдованіе, безпрепятственно пользовались, какъ для распашки, такъ и главнымъ образомъ для устройства пасѣкъ, крестьяне довольно многихъ изъ селеній, расположенныхъ по окраинамъ Алтайской и Чулымской казенныхъ лѣсныхъ дачъ. Что касается до рубки лѣса, то въ этомъ отношеніи вторженія въ дачи единственнаго владѣнія казны до весьма недавняго времени составляли общее правило, и только съ учрежденіемъ лѣсничествъ право безпошлинной рубки лѣса было ограничено предѣлами волостныхъ дачъ.

Мы должны затѣмъ сказать еще нѣсколько словъ о случаяхъ обратнаго порядка—именно о случаяхъ вторженія инородцевъ въ черту крестьянскихъ волостныхъ дачъ. Мы должны указать здѣсь прежде всего на 10 дворовъ инородцевъ Ячинской инородной управы, которые живутъ въ с. Жарковскомъ (Ишимск. вол.) и пользуются землей въ дачѣ этого селенія, платя въ то-же время подати и мірскіе сборы по своей инородческой управѣ. Еще въ

срединѣ 80-хъ годовъ крестьяне, считая себя владѣльцами земли, дѣлали попытки за пользованіе таковою привлечь инородцевъ къ участію въ мірскихъ платежахъ и общественныхъ службахъ; они положили на нихъ „накладки“ сначала по 3 р., затѣмъ—по 6 р. на душу; инородцы сначала платили; но когда „накладка“ была удвоена, они категорически отказались платить что-бы то ни было: считая себя первоначальными обывателями мѣстности и основателями селенія, они начали ходатайствовать объ освобожденіи отъ обложенія въ пользу крестьянскаго общества.

Вопросъ особенно обострился въ 1888 и 1889 годахъ, когда вблизи с. Жарковскаго было основано два переселенческихъ поселка, въ участки которыхъ отошла значительная часть состоявшей прежде въ пользованіи Жарковскихъ крестьянъ земли и, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ сократился прежній земельный просторъ. 17 сентября 1889 года крестьяне постановили приговоръ, коимъ ходатайствовали о „немедленномъ удаленіи отъ нихъ инородцевъ“. Ходатайство это было повторено еще и въ декабрѣ,—но разсмотрѣніе этихъ ходатайствъ было, какъ видно изъ объявленія Управленія отъ 11 января 1890 г. № 162, отложено до будущаго поземельнаго устройства сельскаго населенія Томской губерніи.

Подобный-же случай имѣлъ мѣсто въ д. Больше-Дороховой (той-же Ишимской вол.). Въ селеніи этомъ проживаютъ 4 двора инородцевъ Тутальской волости (Маріинск. окр.); они пользуются всѣми угодьями наравнѣ съ крестьянами и имѣютъ большія запашки, но, какъ и Жарковскіе инородцы, несутъ платежи и повинности исключительно по своей инородческой управѣ. Не признавая за инородцами права на пользованіе угодьями, крестьянское общество уже давно начало облагать ихъ, взамѣнъ арендной платы, сборомъ по 5 руб. съ души въ мірскія суммы. Инородцы то платили этотъ сборъ, то переставали платить и подвергались принудительнымъ взысканіямъ, подавали жалобы, что имъ приходится платить подати вдвойнѣ. Вслѣдствіе усиленныхъ ходатайствъ общества въ 1890 году состоялось, наконецъ, рѣшеніе чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, коимъ право общества на взиманіе съ инородцевъ платы за угодья было признано, и въ октябрѣ 1890 г. ожидался пріѣздъ въ д. Больше-Дорохову земскаго засѣдателя для принудительнаго взысканія этой платы.

Нельзя, наконецъ, не указать на то, что землепользованіе крестьянъ Баимской волости не отграничено отъ земель, принадлежащихъ городу Маріинску. Этотъ послѣдній, какъ извѣстно, былъ образованъ сравнительно недавно изъ села Кійскаго, гдѣ помѣщалось и волостное правленіе Баимской волости. При этомъ преобразованіи часть крестьянъ с. Кійскаго осталась въ крестьянскомъ званіи и, живя въ городѣ, образуетъ Кійское сельское общество; большинство крестьянъ перечислилось въ мѣщане, и эти послѣдніе,

равно какъ и Кійскіе крестьяне, удержали за собой право на участіе въ захватномъ пользованіи землями Баимской волости. До самаго послѣдняго времени городъ не имѣлъ даже отмежеваннаго выгона. Въ 1889 году выгонъ былъ отрѣзанъ ему старшимъ производителемъ работъ Розановымъ, но право на пользованіе землями Баимской волости, повидимому, было сохранено за мѣщанами.

Переходимъ теперь къ вопросу о внутреннемъ разграниченіи крестьянскихъ волостныхъ дачъ.

Обмежеваніе земельныхъ дачъ волостей Томскаго района и разбивка ихъ на болѣе мелкія дачи произведена была еще въ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ землемѣрами Томской губернской чертежной. Количество земли, отведенной въ составъ волостныхъ дачъ, составляетъ:

	На ревизскую душу по сказкамъ 1858 года	На наличную душу муж. п. по спискамъ 1890 года.
Въ Спасской волости	36,9 дес.	27,7 дес.
„ Семилужной волости	46,3 „	26,9 „
„ Нелюбинской „	26,7 „	24,8 „

Каждая изъ трехъ волостныхъ дачъ разрѣзана на цѣлый рядъ болѣе мелкихъ дачъ, бо́льшая часть которыхъ отведена въ пользованіе крестьянъ какого-либо одного селенія, нѣкоторыя—группамъ по два или по три небольшихъ селенія въ каждой. Лишь въ двухъ случаяхъ (не считая выселковъ) такія группы селеній дѣйствительно представляютъ собою составныя общины и пользуются всѣми отведенными имъ угодьями особо; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ каждая изъ такихъ общихъ дачъ фактически, на основаніи обоюднаго соглашенія, распадается на столько отдѣльныхъ землепользованій, сколько въ общую дачу вошло отдѣльныхъ селеній. Въ одномъ отношеніи однако, какъ мы впослѣдствіи увидимъ подробнѣе, сохранилось единство цѣлыхъ волостныхъ обществъ: это именно въ отношеніи порядковъ выпаса скота: скотъ весною, до „запора“ поскотины, и осенью, послѣ „отпора“ ея, пасется частью на свободѣ (лошади), частью подъ надзоромъ пастуховъ, по всему пространству крестьянскаго землепользованія, и именно землепользованія не только даннаго селенія, но и цѣлой волости, совершенно игнорируя поселенныя межи.

Въ *Чулымскомъ* районѣ сходное съ описаннымъ устройство землевладѣнія мы находимъ только въ *Зырянской* волости. Здѣсь всѣ селенія пользуются землею въ отдѣльныхъ отрѣзахъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были образованы одновременно съ водвореніемъ на нихъ переселенцевъ (слѣдовательно въ началѣ 50-хъ годовъ), другія—въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ *Баимской* волости мы находимъ только два селенія, которымъ земля при са-

момъ ихъ образованіи была отведена въ отдѣльныхъ поселенныхъ участкахъ; это именно д. Ключевая и с. Константиновское. Всѣ остальныя 14 селеній Баимской волости (включая Кійское сельское общество) вмѣстѣ съ мѣщанами г. Маріинска пользуются землей въ одной общей, не разграниченной никакими межами дачѣ. Фактически сфера землепользованія каждаго отдѣльнаго селенія представляется, однако, довольно точно разграниченной: въ силу соображеній простого удобства крестьяне каждаго селенія захватили и эксплуатируютъ ближайшія къ селенію урочища, и въ силу давности это фактическое распредѣленіе пріобрѣло какъ-бы санкцію обычая. Въ нѣсколько особенныя условія поставлены: съ одной стороны, д. Тюменева, съ другой—Кійское сельское общество. Крестьянамъ д. Тюменевой издавна предоставлено право пользованія, совмѣстно съ нѣсколькими селеніями восточной окраины Почитанской волости, лѣсомъ и отъѣзжими покосами, расположенными уже въ чертѣ Почитанской волости (см. ниже). Крестьяне Кійскаго сельскаго общества, живя въ Маріинскѣ, не имѣютъ усадебной земли и за занятыя ихъ домами мѣста платятъ сборъ въ пользу города. *Почитанская* волость представляетъ собою въ смыслѣ правъ на землю одно цѣлое: волостная дача не разбита ни на поселенные, ни на какіе либо иные участки, а обнесена только одною окружною межою. Что касается до фактическаго распредѣленія земли между селеніями Почитанской волости, то право пользованія лѣсомъ принадлежитъ здѣсь безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости; земельныя угодья фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе не было установлено не только какими-либо межевыми дѣйствіями, но даже и добровольными соглашеніями; оно установилось само собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія заимочнаго пользованія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго,—какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ заимокъ отъ усадебъ и особенно—съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другого селенія. Каждое селеніе эксплуатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія урочища земельныхъ угодій, въ количествѣ, приблизительно, соотвѣтствующемъ численности его населенія; и такое распредѣленіе угодій, хотя и совершенно лишенное юридической санкціи, настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлять, когда признаютъ это нужнымъ, входящія въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья (преимущественно сѣнокосы) по душамъ.

Устройство землепользованія въ *Ишимской* волости представляется намъ, въ виду полной противурѣчивости имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, совершенно неяснымъ. Мы имѣемъ, съ одной стороны, опредѣленныя указанія на то, что селенія этой волости пользуются землею въ одной общей дачѣ; это именно свидѣтельство Управленія Госуд. Имущ. въ Зап. Си-

бири, которое въ цитированномъ уже выше отношеніи отъ 8 іюля 1886 г. за № 5890 опредѣленно констатировало, что „земля Ишимской волости не разграничены ни между населеніемъ, ни между казною, и селенія названной волости пользуются землей въ общемъ районѣ, въ которомъ они обязаны сами разверстать между собой угодья на основаніи 1 и 3 пункта 54 ст. и 2 пункта 78 ст. общ. пол. о крестьянахъ". Между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается совершенно другое: уже въ предложеніи Омскаго съемочнаго отдѣленія констатируется, что „селеніе Жарковское Ишимской волости основано россійскими переселенцами по лѣвой сторонѣ рѣки Яи и съ основаніемъ поселенія этимъ переселенцамъ назначенъ земельный участокъ",—а существованіе отграниченія крестьянскихъ земель отъ дачъ единственнаго владѣнія казны неопровержимо доказывается запрещеніемъ крестьянамъ рубить лѣсъ въ чертѣ Алтайской и Чулымской казенныхъ дачъ, а равно пріостановленіемъ со стороны крестьянъ нѣкоторыхъ селеній Ишимской волости самовольнаго пользованія земельными угодьями въ Чулымской дачѣ. Но этого мало: Ишимскій волостной районъ несомнѣнно разбитъ на рядъ болѣе мелкихъ земельныхъ участковъ, пріуроченыхъ къ тѣмъ или другимъ болѣе мелкимъ группамъ населенія; мы не знаемъ, когда именно произведено было разграниченіе этихъ участковъ—даже отъ крестьянъ изслѣдователь не могъ получить сколько-нибудь опредѣленныхъ показаній; но межи несомнѣнно существуютъ, хотя и успѣли уже въ значительной мѣрѣ зарости и утратить свою ясность.

Въ дѣйствительности всѣ селенія *южной* части волости пользуются землею въ отдѣльныхъ подеревенныхъ участкахъ. Землепользованіе каждаго изъ этихъ селеній отграниченно отъ остальныхъ межами; но благодаря недостаточной отчетливости послѣднихъ, разграниченіе соблюдается далеко не строго, и изслѣдователемъ констатированъ былъ цѣлый рядъ захватовъ, произведенныхъ крестьянами однихъ селеній въ сферѣ землепользованія другихъ.

Въ остальной части волости преобладаютъ болѣе обширные участки, каждый изъ которыхъ отведенъ въ совокупное пользованіе крестьянамъ нѣсколькихъ селеній. Такъ три большія трактовыя селенія—*Ишимское, Медвѣдчикова* и *Мазилово* пользуются землей въ одномъ общемъ участкѣ съ двумя маленькими „забошными" селеніями—*Баранцевой* и *Усманкой*; четвертое трактовое селеніе—*Нижне-Великосельская*—въ одномъ участкѣ съ д. *Барнишевой*. Фактическое землепользованіе каждаго изъ этихъ селеній совершенно обособилось въ отдѣльные участки, границы которыхъ опредѣлились захватомъ и давностью. Д. *Спасо-Яйская* съ выселкомъ *Бердиной* пользуется землей въ отдѣльномъ участкѣ. Далѣе къ сѣверу слѣдуетъ опять рядъ селеній, пользующихся землею въ одномъ общемъ участкѣ,—именно д. *Большая и Малая Жировы, Большая Дорохова* и *Воронина-Яя*;

прежде въ той-же межѣ было заключено и землепользованіе крестьянъ с. *Ворono-Пашенскаго*, но вслѣдствіе ихъ просьбы имъ былъ выдѣленъ особый участокъ и въ общемъ пользованіи остались только земли остальныхъ четырехъ селеній. Общность эта проявляется до нѣкоторой степени и въ фактическомъ пользованіи: районы пользованія пахатною землею, правда, успѣли уже совершенно обособиться; по отношенію къ покосамъ это обособленіе еще не совершилось и напр. крестьяне д. Больше-Жировой, вблизи которой луговъ мало, при плохихъ урожаяхъ травы косятъ себѣ траву на лугахъ д. Больше-Дороховой. Вблизи отъ послѣдняго селенія расположена далѣе маленькая д. *Θеоктистова;* при самомъ ея образованіи ей былъ отмежеванъ особый участокъ; но межа совершенно не соблюдается и Θеоктистовскіе крестьяне безпрепятственно косятъ внѣ черты своего участка, на лугахъ д. Больше-Дороховой.—С. *Ново-Кусковское* и д. *Старо-Кускова* пользуются землей въ одномъ общемъ участкѣ; фактически общность сохранилась только по отношенію къ пахатнымъ землямъ, лугами же крестьяне пользуются особо по каждому селенію, въ ближайшихъ къ послѣднему урочищахъ. Изъ за-Чулымскихъ селеній с. *Архангельское* пользуется всѣми угодьями въ отдѣльномъ участкѣ, обмежеванномъ при самомъ образованіи этого селенія; остальныя четыре селенія—с. *Троицкое*, д. *Нижне-Дорохова*, *Боровая* и *Сергьева* стоятъ, какъ было уже упомянуто выше, на инородческой (или покрайней мѣрѣ присваиваемой инородцами) землѣ и пользуются всѣми угодьями юридически и фактически нераздѣльно между собой и съ инородцами ближайшихъ юртъ.

Сдѣланный обзоръ позволяетъ, кажется намъ, констатировать крайнюю безпорядочность, сбивчивость и неопредѣленность устройства землепользованія въ волостяхъ Чулымскаго района. И если эти неудобства не приводили къ печальнымъ послѣдствіямъ въ родѣ острыхъ поземельныхъ споровъ и даже прямыхъ столкновеній, для которыхъ всегда бываетъ при такой неопредѣленности земельныхъ отношеній масса поводовъ,—то это является слѣдствіемъ изобилія въ большинствѣ волостей Чулымскаго района земельныхъ угодій. Земли, состоящія въ фактическомъ пользованіи крестьянъ волостей Маріинскаго округа, составляютъ именно:

	На ревиз. душу по сказкамъ 1858 г.	На налич. душу муж. п. по спискамъ 1890 г.
Въ Почитанской волости	97,4 дес.	52,6 дес.
„ Зырянской „		
„ Баимской „	?	46,3 „

Ишимская волость, напротивъ, бѣднѣе землей, нежели какая либо другая волость изслѣдованнаго края: на ревизскую душу здѣсь приходится всего 28,3, на наличную душу—17,6 десятинъ удобной земли.

Какъ приведенный обзоръ распредѣленія земельныхъ дачъ, такъ и данныя объ относительномъ количествѣ удобной земли, въ настоящее время (1893 г.) являются уже въ значительной мѣрѣ анахронизмомъ. Еще во второй половинѣ 80-хъ годовъ въ волостяхъ Чулымскаго района началъ дѣйствовать отрядъ по образованію переселенческихъ участковъ. Ко времени прибытія въ эти волости изслѣдователя (вторая половина 1890 г.), отрядъ успѣлъ уже нарѣзать довольно многимъ селеніямъ Ишимской, Почитанской и Баимской волостей участки согласно 15-десятинной на наличную душу пропорціи, а изъ отрѣзанныхъ, какъ излишнія, земель образовать цѣлый рядъ переселенческихъ участковъ. За истекшіе два года число введенныхъ въ нормальныя границы старыхъ селеній и вновь образованныхъ переселенческихъ участковъ успѣло конечно значительно возрасти и, слѣдовательно, устройство землепользованія—принять видъ, совершенно отличный отъ описаннаго въ сдѣланномъ нами очеркѣ.

III.

Первобытною формою землепользованія въ изслѣдованномъ краѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, была несомнѣнно форма, которую авторъ отдѣла о формахъ землевладѣнія въ „Матеріалахъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта Иркутской губерніи“, г. Личковъ *) обозначетъ названіемъ „захватно-родового владѣнія“, но которую мы, въ виду крайней важности для характеристики ея элемента „заимки“, предпочитаемъ обозначить названіемъ *„заимочно-захватной“ формы пользованія*. Форма эта, какъ справедливо говоритъ г. Личковъ, „представляетъ слѣдствіе вольнаго заселенія края, изобилующаго свободными казенными землями. Благодаря массѣ свободныхъ земель, каждый желающій могъ выбирать себѣ наиболѣе удобное на его взглядъ мѣсто, селиться и строиться, распахивать и косить по своему усмотрѣнію, большею частью никого не спрашивая и ничьихъ правъ не нарушая“. Въ чемъ-же, спрашивается, заключается сущность этой формы? въ чемъ тѣ признаки, которыми она характеризуется въ отличіе отъ всѣхъ другихъ, иногда по наружности сходныхъ съ нею формъ землепользованія?—Сущность *„заимочно-захватной формы“* несомнѣнно заключается въ неограниченномъ для каждаго отдѣльнаго общинника правѣ образовать себѣ *„заимку“*, т. е. захватить въ свое исключительное пользованіе количество земли, соотвѣтствующее степени его хозяйственной состоятельности. „Заимка“—это совокупность пахатныхъ, пастбищныхъ и сѣнокосныхъ земель, обыкновенно (но не необходимо) окружающихъ строенія, служащія для лѣт-

*) См. „Иркут. матеріалы“, гл. II, вып. 3, стр. 115, и сл.

няго (иногда и для постояннаго) пребыванія „заимщика“ и его скота, а на большихъ „заимкахъ“—и для работъ по очисткѣ хлѣба и для склада послѣдняго (совокупность этихъ строеній обыкновенно тоже обозначается названіемъ „заимки„). Захвативъ подъ „заимку“ то или другое количество земли, хозяинъ-заимочникъ по отношенію къ послѣдней осуществлялъ всѣ права, входящія въ составъ юридическаго понятія права собственности: право владѣнія, пользованія и распоряженія. Пользуясь правомъ *владѣнія*, онъ не допускалъ никого до пользованія ни однимъ клочкомъ входящей въ составъ заимки земли, хотя-бы эта послѣдняя въ данный моментъ и оставалась безъ всякой утилизаціи: онъ—и одинъ онъ только—пахалъ, косилъ, пасъ скотъ на своей заимкѣ. Въ силу права *распоряженія* онъ передавалъ свою заимку по наслѣдству и несомѣнно пользовался правомъ отчужденія ея, хотя осуществлять это право, въ виду возможности для каждаго желающаго обзавестись подобною-же заимкою, и не бывало случаевъ. Община по отношенію къ „заимкѣ“ безусловно ни въ чемъ не проявляла своихъ правъ. Вотъ почему мы, въ отличіе отъ г. Личкова*), полагаемъ, что захватно-заимочная формы владѣнія *въ чистомъ ея видѣ* не можетъ быть отнесена къ числу видовъ общиннаго землевладѣнія: всѣ тѣ доводы, которыми г. Личковъ доказываетъ общинный характеръ этой формы (сроки захвата, отводы, согласіе общины на отчужденіе), относятся уже не къ чистой формѣ заимочнаго владѣнія, а къ переходнымъ формамъ его, ведущимъ къ постепенному измѣненію самыхъ основъ владѣнія землей. Пока заимочное владѣніе существуетъ въ чистомъ его видѣ, верховное право общины на землю осуществляется—и то, впрочемъ, не всегда—только по отношенію къ непринадлежащимъ къ составу общины лицамъ, которыхъ община не допускаетъ до пользованія землей. По отношенію къ членамъ общины права послѣдней находятся въ скрытомъ состояніи и, такъ сказать, выжидаютъ появленія такихъ условій, которыя способствовали-бы ихъ проявленію. Мы думаемъ поэтому, что *заимочная форма владѣнія есть такая первобытная форма владѣнія землею*, которая не имѣетъ еще опредѣленнаго общиннаго характера и изъ которой, съ измѣненіемъ обстоятельствъ, могутъ развиться самыя противоположныя другъ другу формы владѣнія: проявятся наружу права общины и одержатъ верхъ надъ интересами заимочниковъ,—и мы будемъ имѣть дѣло съ формами общиннаго землевладѣнія; окажется община безсильною справиться съ заимочниками,—и изъ той-же первобытной формы разовьется подворное владѣніе.

Заимочное владѣніе, какъ вполнѣ справедливо объясняетъ г. Личковъ, является совокупнымъ результатомъ съ одной стороны, и главнымъ образомъ,

*) Тамъ-же, стр. 117—122 и сл.

права находки и захвата (occupatio), съ другой—права давности, съ третьей—права затраченнаго на созданіе удобной культурной площади труда *). Оно можетъ безпрепятственно существовать, очевидно, лишь до тѣхъ поръ, пока населеніе чрезвычайно рѣдко, и потому каждый имѣетъ возможность осуществлять свое право на захватъ и удержаніе за собой заимки, не стѣсняя всѣхъ другихъ членовъ данной общины. По мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія прежняго простора заимочная форма владѣнія, выгодная для владѣльцевъ „заимокъ", которымъ позволяла, несмотря ни на что, вести на захватныхъ земляхъ очень экстензивное залежное хозяйство, неминуемо должна была сдѣлаться крайне неудобною и стѣснительною для прибылаго населенія, которое либо вовсе не находило свободныхъ земель, либо должно было довольствоваться землями самаго плохого качества. Какъ только это неудобство дѣлалось ощутительнымъ, въ средѣ общины должно начаться движеніе противъ заимочной формы владѣнія, направленное къ превращенію послѣдней въ форму, которую мы въ другомъ мѣстѣ **) обозначили названіемъ *«вольнаго пользованія»*; различіе этого способа пользованія отъ способа заимочно-захватнаго—коренное: оно заключается въ *отсутствіи права образованія заимокъ*. „Всякому общиннику—такъ опредѣляли мы сущность формы вольнаго пользованія—предоставляется право распахивать пашню на любомъ мѣстѣ общинной территоріи; но эта пашня остается въ пользованіи распахавшаго лишь до тѣхъ поръ, пока онъ вкладываетъ въ нее свой трудъ; разъ пашня три года пролежала въ залежи,—разъ слѣдовательно распахавшій пересталъ вкладывать въ нее свой трудъ,—она дѣлается общественнымъ достояніемъ и можетъ быть захвачена и распахана всякимъ, кто найдетъ для себя выгоднымъ ее воздѣлывать". По отношенію къ покосамъ—захватъ, какъ право устранять отъ пользованія занятымъ пространствомъ всякое другое лицо, совершенно исчезаетъ: „всякій можетъ косить траву, гдѣ ему угодно, и право это нѣсколько ограничивается только тѣмъ повсемѣстно существующимъ правиломъ, въ силу котораго приступать къ сѣнокошенію дозволяется не раньше назначаемаго общиною дня. Но никто не можетъ занять въ свое *исключительное* пользованіе какой-либо части общинныхъ сѣнокосныхъ угодій: если одинъ общинникъ началъ косить въ какомъ-либо урочищѣ, то это не можетъ помѣшать другому начать косить рядомъ съ нимъ; если въ данномъ урочищѣ не хватило травы для обоихъ, то оба, выкосивъ всю траву, переходятъ на другое свободное урочище. Всякій, затѣмъ, имѣетъ право неограниченнаго пользованія общинными пастбищами, но никто не можетъ загородить и исключить какую-либо часть этихъ пастбищъ изъ общаго пользованія" ***).

---

*) Тамъ-же стр. 123–131.

**) См. „Зап. Сибир. матеріалы", вып. V, стр. 129 и сл.

***) Различіе между заимочнымъ и вольнымъ пользованіемъ хорошо видно изъ сопоставленія трехъ имѣющихся въ нашихъ матеріалахъ рѣшеній: Ишимской вол. расправы 7. VI. 81 г., № 26, Ишимскаго вол. суда 20. IX. 83, № 53 и Нелюбинскаго вол. суда 1. VII. 1885. № 53. Въ первомъ, по поводу спора двухъ заимочниковъ объ обводныхъ захватахъ земли, расправа, имѣя въ виду, что „Альковъ въ 50 саженяхъ отъ поскотины и въ одной верстѣ

Изъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается заимочное пользованіе, въ той формѣ, основныя черты которой мы только что намѣтили, мы не находимъ права владѣнія и давности, а тѣмъ болѣе вытекающаго изъ нихъ права распоряженія землею; остается только право занятія пустолежащей земли и право вкладываемаго въ послѣднюю труда, и сущность формы *вольнаго* пользованія заключается, слѣдовательно, въ томъ, что *община предоставляетъ каждому изъ своихъ членовъ право въ неограниченныхъ размѣрахъ влагать свой трудъ въ свободную землю.* Какъ только хозяинъ перестаетъ влагать свой трудъ въ землю (что для пашни наступаетъ съ обращеніемъ ея въ залежь, для покоса—съ окончаніемъ сѣнокоснаго періода), земля становится „вольною" и можетъ быть захвачена каждымъ другимъ членомъ общины.—Различіе между двумя формами землепользованія, очевидно, имѣетъ коренной, принципіальный характеръ: вольное пользованіе, въ противоположность заимочному, имѣетъ уже опредѣленно выраженный характеръ формы *общиннаго* землевладѣнія. Правда, община и здѣсь, какъ и при заимочномъ владѣніи, не проявляетъ своей власти, какъ верховнаго распредѣлителя земли между общинниками, но за то, въ противоположность заимочной формѣ, каждый изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ одинаковое право на каждый клочекъ невоздѣлываемой земли, — право, нестѣсняемое уже, какъ при заимочной формѣ, принадлежащимъ заимочникамъ правомъ владѣнія.

Борьба между тѣми двумя формами землепользованія, сущность которыхъ мы только что очертили,—между заимочнымъ владѣніемъ и вольнымъ пользованіемъ,—и постепенное вытѣсненіе перваго послѣднимъ составляютъ главное содержаніе земельнаго быта изслѣдованнаго края. „Утѣсненіе", малоземелье,—этотъ могущественнѣйшій факторъ, обусловливающій смѣну однихъ формъ землепользованія другими,—въ изслѣдованномъ краѣ еще почти нигдѣ не зашло такъ далеко, чтобы потребовать всеобщаго перехода къ слѣдующей, высшей формѣ общиннозе мельныхъ отношеній—къ душевому пользованію угодьями. По отношенію къ пахотнымъ землямъ душевое пользованіе почти нигдѣ не существуетъ; сравнительно бо̀льшія завоеванія оно сдѣлало по от-

---

отъ заимки Шумилова распахалъ и посѣялъ хлѣбъ, Шумиловъ же никакихъ стѣсненій Алькову не дѣлалъ, а распахиваетъ землю вблизи своей заимки...", постановила: „распаханную землю Шумиловымъ оставить во владѣніи его, Шумилова, а Алькову сдѣлать внушеніе, *чтобы онъ не распахивалъ нигдѣ вблизи заимки Шумилова*, такъ какъ Альковъ имѣетъ около своей заимки много пустопорожней земли". Въ рѣшеніи Нелюбинскаго вол. суда читаемъ: „болѣе 30 лѣтъ проситель занимается пашней, на которой сынъ его вспахалъ 8 загоновъ; но на второй день впередъ его сына прибылъ на пашню крестьянинъ той-же деревни Бахтіаровъ и усилился пахать принадлежащую просителю землю. Отвѣтчикъ показалъ, что... если и пахалъ, то потому, что земли не дѣлены и *онъ могъ пахать, гдѣ угодно*"—разсужденіе, съ которымъ волостной судъ и согласился, оставивъ жалобу, какъ не основательную, безъ послѣдствій; а Ишимскій судъ въ рѣшеніи 20. IX. 83 г. № 53 призналъ, что пашня... „*какъ уже давно не вспахиваемая* Семеновымъ (заимочникомъ), должна остаться въ пользованіи„ тѣхъ, кто вложилъ въ нее свой трудъ.

ношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ и къ одному виду промысловыхъ угодій—къ кедровникамъ,—но во всякомъ случаѣ оно является въ изслѣдованномъ краѣ исключеніемъ, общимъ же правиломъ являются захватно-заимочное и вольное пользованіе,—лишь изрѣдка одно совершенно независимо отъ другаго, обыкновенно же оба вмѣстѣ, въ тѣхъ или другихъ разнообразныхъ комбинаціяхъ между собой.

По отношенію къ *пахатнымъ землямъ* заимочная форма владѣнія въ чистомъ ея видѣ сохранилась только въ одной изъ самыхъ многоземельныхъ волостей изслѣдованнаго края—въ Почитанской, гдѣ общее количество состоящей—или точнѣе состоявшей до произведенныхъ переселенческимъ отрядомъ отрѣзокъ—въ пользованіи крестьянъ земли составляетъ на наличную душу мужескаго пола 52,6 десятинъ. Здѣсь „заимки“ существуютъ не только фактически, но и, если можно такъ выразиться, юридически: „заимочное“ право совершенно живо въ сознаніи массы общинниковъ, и живо именно потому, что при изобиліи земли право это можетъ существовать, не стѣсняя никого, и не встрѣчая ни съ чьей стороны протеста. Единственный по Почитанской волости, сколько намъ извѣстно, случай перехода по отношенію къ пахатнымъ землямъ къ способу вольнаго пользованія относится къ д. Бекетской. И въ этомъ селеніи, по разсказамъ крестьянъ, еще сравнительно недавно—до послѣдовавшаго въ 1863 году водворенія пензенскихъ переселенцевъ—„мѣста много было“, а потому пользованіе землей имѣло заимочную форму: каждый держалъ свою „заимку“,—„тамъ пахалъ, тамъ косилъ и никого больше не пускалъ“. Съ прибытіемъ новоселовъ „стало тѣсно“, этотъ порядокъ „нарушился“ и замѣнился другимъ, сущность котораго крестьяне резюмировали въ правилѣ: „пока пашешь—ты хозяинъ, а бросилъ—земля вольная“,—слѣдовательно способомъ вольнаго пользованія. Кромѣ Почитанской волости заимочный принципъ во всей своей силѣ сохранился еще въ нѣсколькихъ селеніяхъ весьма богатой землею восточной половины Баимской волости, именно: въ с. Сусловскомъ и Константиновскомъ и въ д. Ключевой. Затѣмъ, во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ Баимской волости, во всей Зырянской и Ишимской и во всѣхъ трехъ волостяхъ пригороднаго района община перестала признавать права заимочниковъ и перешла къ принципу: „пока хозяинъ пашетъ—онъ хозяинъ, броситъ пахать—земля вольная“, т. е. къ принципу вольнаго пользованія. Но только въ пригородныхъ волостяхъ—Спасской, Нелюбинской и Семилужной (въ послѣдней—кромѣ трехъ селеній Подломскаго сельскаго общества)—фактическое положеніе дѣлъ дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому принципу: заимки дѣйствительно изчезли, и пашня, оставленная въ залежь, дѣйствительно распахивается каждымъ желающимъ, которому лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія приходится встрѣчаться съ сопротивленіемъ со стороны прежняго ея захватнаго владѣльца. При относи-

тельномъ просторѣ, являющемся результатомъ ничтожнаго въ волостяхъ Томскаго района развитія земледѣлія, почти закончившійся уже переходъ отъ заимочнаго пользованія къ вольному на первый взглядъ представляется, съ точки зрѣнія намѣченной выше схемы развитія формъ землевладѣнія, нѣсколько преждевременнымъ; и въ самомъ дѣлѣ: здѣсь причины водворенія формы вольнаго пользованія надо искать не въ „утѣсненіи", а, вѣроятно, въ обстоятельствахъ иного рода: съ одной стороны—во второстепенной роли земледѣлія, благодаря которой землей слишкомъ мало дорожатъ для того, чтобы принимать мѣры къ ея заимочной неприкосновенности; съ другой—въ возможности распахивать совершенно свѣжія земли, благодаря которой мощные хозяева нерѣдко предпочитаютъ скорѣе переходить на новыя мѣста, нежели возвращаться на свои залежи, и охотно оставляютъ эти послѣднія бѣднякамъ, не имѣющимъ возможности производить расчистку свѣжихъ земель; наконецъ, во многихъ случахъ—и продолжительностью сроковъ залежности, благодаря которой залежи имѣютъ для крестьянъ мало притягательной силы: недавно заброшенныя—„молодыя"—вслѣдствіе своего малаго плодородія, „старыя"—потому, что распашка ихъ лишь немногимъ легче распашки новыхъ земель. Мы не можемъ поручиться за справедливость и полноту даннаго нами объясненія; но самый фактъ полнаго изчезновенія въ Томскомъ районѣ заимочнаго владѣнія и замѣны его вольнымъ пользованіемъ остается несомнѣннымъ. Въ Чулымскомъ районѣ такая окончательная замѣна одной формы другою наступила лишь въ немногихъ общинахъ: кромѣ названной выше д. Бекета (Почитанской волости)—еще въ д. Дубровкѣ (Зырянской волости), въ д. Кайлѣ, Спасо-Яйской и всѣхъ за-Чулымскихъ селеніяхъ (с. Троицкое, Архангельское, д. Нижне-Дорохова, Боровая, Сергѣева) Ишимской волости. Господство формы вольнаго пользованія въ этихъ, какъ выяснило изслѣдованіе, очень бѣдныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многоземельныхъ селеніяхъ, является, очевидно, результатомъ отсутствія крупныхъ хозяевъ-пахарей, которые были бы сильно заинтересованы въ поддержаніи своихъ заимочныхъ притязаній и пользовались бы въ общинѣ достаточнымъ вліяніемъ для отраженія направленныхъ въ противоположную сторону притязаній „бѣдноты". Затѣмъ, на всемъ протяженіи Ишимской, Зырянской и Баимской волостей, за исключеніемъ поименованныхъ только что и въ предыдущемъ изложеніи общинъ, заимочная форма владѣнія, въ принципѣ замѣненная формою вольнаго пользованія, фактически еще далеко не исчезла: всѣ болѣе или менѣе зажиточные хозяева имѣютъ „заимки", на которыя смотрятъ, какъ на свою исключительную принадлежность. Въ однихъ случаяхъ существованіе этихъ заимокъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій и не вызываетъ никакихъ неудовольствій: это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сферу землепользованія данной общины входятъ дальнія земли (за 20, 25 и болѣе верстъ отъ се-

ленія), на которыя бѣднякамъ, да и средне-состоятельнымъ хозяевамъ, засѣвающимъ по 5—7 десятинъ, „ѣхать не изъ за чего"; такія дальнія земли, слѣдовательно, не привлекаютъ на себя вниманія массы общинниковъ и потому спокойно остаются въ заимочномъ пользованіи зажиточныхъ крестьянъ въ то время, когда на ближайшихъ урочищахъ уже совершился переходъ къ вольному пользованію. Но въ большинствѣ случаевъ фактическое, вопреки установившемуся въ сознаніи общины трудовому принципу, существованіе „заимокъ" является результатомъ успѣшнаго сопротивленія заимочниковъ всякимъ попыткамъ вторженія въ предѣлы ихъ заимокъ. Орудіе для такого сопротивленія заимочники находятъ въ самомъ принципѣ вольнаго пользованія; обыкновенный пріемъ ихъ въ борьбѣ за исключительное обладаніе заимками заключается въ затрудненіи для лица, вторгающагося въ предѣлы ихъ заимки, возможности распахивать себѣ пашню: „подъѣзжай къ нему (богачу) на одной сохѣ, говорятъ бѣдняки,—а онъ на четырехъ, а то и на шести, выѣдетъ да вокругомъ тебя опашетъ и заборонитъ,—такъ ты на одной лѣхѣ и останешься; хоть-бы они-то къ намъ не лѣзли, а намъ—бѣдноте, гдѣ ужъ у нихъ пашню отбивать!.." Такимъ образомъ заимочникъ какъ будто-бы не отрицаетъ за другими общинниками права пахать въ предѣлахъ его заимки; но стоитъ кому-либо попытаться осуществить это право, и онъ также осуществляетъ свое право „пахать, гдѣ угодно", опахиваетъ со всѣхъ сторонъ распаханный пришельцемъ загонъ и такимъ образомъ фактически „выживаетъ" его изъ предѣловъ своей заимки. Этотъ пріемъ борьбы, оказался настолько дѣйствительнымъ, что бѣдняки, пашущіе „въ одну соху", и не осмѣливаются приближаться къ заимкамъ! Если же этотъ пріемъ оказывается недостаточнымъ, то заимочники нерѣдко прибѣгаютъ и къ болѣе энергическимъ мѣрамъ: въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ есть не мало указаній на драки, самовольные захваты земли, ложные доносы „по злобѣ" и т. п., вызванные стремленіемъ богачей оградить „заимки" отъ посягательствъ посторонннхъ лицъ. Самое отношеніе общественной крестьянской совѣсти и въ частности ея носителя—волостного суда—къ разсматриваемому вопросу тоже едва-ли представляется установившимся. Ишимскій волостной судъ, напр. (см. рѣш. 20. IX. 1883, № 53), по одному спорному дѣлу о захватѣ земли и заимки призналъ съ одной стороны право общинниковъ на захватъ и распашку лежащей вблизи заимки земли, „какъ уже давно не вспахиваемой", но съ другой—призналъ, что отвѣтчики „не должны были занимать пашни въ непосредственной близости отъ заимки, которыя остаются въ пользованіи" заимочника.

Такимъ образомъ, фактически существующій въ Ишимской, Зырянской и Баимской волостяхъ порядокъ пользованія пахатными землями имѣетъ переходный, смѣшанный характеръ: съ одной стороны у зажиточныхъ крестьянъ

вездѣ имѣются фактически недоступныя для постороннихъ лицъ, иногда весьма обширныя „заимки“, на которыхъ они одни пашутъ, косятъ, а нерѣдко—и пасутъ свой скотъ (у нѣкоторыхъ богачей подъ пашню, покосъ и выгонъ занято по 500 и болѣе десятинъ!), съ другой—большая часть общинной земли, занятая запашками средне-состоятельныхъ крестьянъ и „бѣдноты“, состоитъ въ вольномъ пользованіи не только юридически, но и фактически; и хотя въ большинствѣ случаевъ крестьяне распахиваютъ, послѣ достаточно продолжительнаго отдыха, собственныя „выпаши“, но нерѣдки и случаи распашки одними крестьянами „выпашей“, оставшихся послѣ пахоты другихъ.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что такой двойственный порядокъ пользованія пахатными землями имѣетъ лишь временный характеръ и въ близкомъ будущемъ смѣнится безраздѣльнымъ господствомъ способа вольнаго пользованія, если только, однако, рѣзкое сокращеніе прежнихъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, результатъ наплыва переселенцевъ, не вызоветъ рѣзкаго скачка непосредственно къ болѣе или менѣе совершеннымъ формамъ душевого пользованія.

При существующей въ изслѣдованномъ краѣ системѣ хозяйства, пахатныя земли въ теченіе болѣе или менѣе значительной части періода залежности служатъ временными сѣнокосными угодьями. Вопросъ о правѣ на такіе временные сѣнокосы—тк. наз. „выпаша“, „пырьи“, разрѣшается въ изслѣдованномъ краѣ далеко не единообразно, и при томъ внѣ какой-либо видимой зависимости отъ права на занятіе тѣхъ-же „выпашей“ подъ новую распашку. Значеніе вопроса о правѣ на „пырьи“ особенно важно въ волостяхъ Томскаго района, какъ въ виду большей вообще цѣнности сѣнокосныхъ угодій, такъ и въ виду большаго здѣсь значенія выпашей, какъ сѣнокосныхъ угодій. Въ двухъ изъ волостей этого района—Семилужной и Спасской—право на растущую на „выпашахъ“ траву признается исключительно за владѣльцемъ „выпаши“, т. е. за тѣмъ хозяиномъ, который пахалъ землю до заброса ея въ залежь,—и это право продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-либо другой не захочетъ распахать залежь. Это лицо пріобрѣтаетъ тогда исключительное право на пользованіе землею, какъ пашней, а затѣмъ—по новомъ обращеніи ея въ залежь—и какъ сѣнокосомъ. „Ежели кто лѣсокъ почистилъ, да распахалъ,—такъ объясняютъ крестьяне основанія такого порядка,—тому конечно и травку на выпаши покосить хочется; а ежели другой съ сохой поѣхалъ, то какъ-же его не пустишь?..“ По Нелюбинской волости мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ разспросныхъ данныхъ по разсматриваемому вопросу; мы имѣемъ только одно рѣшеніе волостного суда (25 Іюня 1887 г., № 96), изъ котораго можно усмотрѣть, что въ этой волости право на пользованіе растущею на „выпашахъ“ травою принадлежитъ всѣмъ

общинникамъ на правѣ вольнаго захвата: по жалобѣ на самовольный захватъ чужого покоса (очевидно „выпашного“) волостной судъ усмотрѣлъ, что „просителемъ поясненное мѣсто было брошено и лежало пустошью два года, вслѣдствіе чего отвѣтчикъ и выкосилъ оное мѣсто“, и на этомъ основаніи призналъ за отвѣтчикомъ право на накошенное на захваченномъ участкѣ сѣно. Въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ, „выпаши“, благодаря изобилію постоянныхъ сѣнокосныхъ угодій, косятся мало, имѣетъ мало значенія и вопросъ о правѣ на пользованіе растущею на нихъ травою; этотъ вопросъ разрѣшается здѣсь довольно разнообразно въ нѣкоторой зависимости отъ того порядка, который существуетъ по отношенію къ праву на распашку „выпашей“: гдѣ удержалась заимочная форма пользованія пахатными землями, тамъ трава на „выпашахъ“ обыкновенно составляетъ собственность заимочниковъ (хотя есть случаи, когда въ этомъ отношеніи дѣлается уступка требованіямъ „бѣдноты“, и трава на „выпашахъ“ признается доступною вольному захвату); тотъ-же порядокъ можетъ быть признанъ господствующимъ и въ тѣхъ многочисленныхъ общинахъ, которыя по отношенію къ пахотѣ находятся въ періодѣ борьбы между захватно-заимочнымъ и вольнымъ пользованіемъ; гдѣ, напротивъ, это послѣднее уже окончательно упрочилось, тамъ и трава, растущая на „выпашахъ“, признается общимъ достояніемъ и косится всѣми желающими.

Переходимъ теперь къ порядкамъ пользованія постоянными сѣнокосными угодьями, причемъ замѣтимъ здѣсь-же, что по отношенію къ этимъ послѣднимъ способъ душевого пользованія сдѣлалъ гораздо больше успѣховъ, нежели по отношенію къ пахатнымъ землямъ и всѣмъ другимъ угодьямъ, кромѣ, можетъ быть, кедровниковъ. Въ особенности распространилось душевое пользованіе въ Томскомъ районѣ, гдѣ, напримѣръ, въ Спасской волости старые способы пользованія сѣнокосами удержались лишь въ немногихъ селеніяхъ, удаленныхъ отъ Томска; упрочилось душевое пользованіе и въ нѣкоторыхъ изъ ближайшихъ къ Томску селеній Семилужной волости, а въ остальныхъ селеніяхъ этой волости (кромѣ трехъ селеній Подломской сотни) замѣчаются уже признаки перехода къ душевой формѣ. Въ Нелюбинской волости повсемѣстно передѣлены по душамъ поемные луга. Такіе значительные успѣхи душевого пользованія по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ являются въ Томскомъ районѣ понятнымъ слѣдствіемъ ограниченности количества этихъ угодій и особенно высокихъ, обусловливаемыхъ городскимъ спросомъ, цѣнъ на сѣно, дающихъ сѣнокоснымъ угодьямъ (главнымъ образомъ поемнымъ лугамъ, а другимъ видамъ покосовъ—только въ ближайшихъ окрестностяхъ города) довольно высокую рентную доходность. Напротивъ въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ сѣнокосныхъ угодій много, а цѣны на сѣно дешевы, успѣхи душевого порядка пользованія и по отношенію къ сѣнокоснымъ

угодьямъ незначительны: во всемъ районѣ переходъ къ душевому пользованію совершился въ какомъ-нибудь десяткѣ селеній, и притомъ исключительно по отношенію къ поемнымъ лугамъ.

Обращаясь затѣмъ къ порядкамъ пользованія сѣнокосными угодьями въ общинахъ, еще не перешедшихъ къ душевой формѣ, и останавливаясь сначала на Томскомъ районѣ, мы должны начать съ *Нелюбинской* волости,— единственной изъ волостей этого района, гдѣ сохранились въ чистомъ видѣ болѣе первобытные способы пользованія сѣнокосными угодьями. Въ противоположность пахатнымъ землямъ сѣнокосы именно *лѣсные*,—луга, какъ мы говорили, передѣляются по душамъ,— состоятъ здѣсь по преимуществу въ заимочномъ владѣніи. Мы можемъ назвать только два селенія—Рыбалову и Карбышеву,—гдѣ вся масса сѣнокосныхъ земель состоитъ въ вольномъ пользованіи и ежегодно открыта для свободнаго захвата каждаго отдѣльнаго общинника. Порядокъ этотъ, смѣнившій здѣсь прежнее заимочное владѣніе, благодаря вліянію ссыльныхъ и переселенцевъ, едва-ли представляется выгоднымъ для массы населенія: по заявленію крестьянъ, богачи пользуются этимъ порядкомъ для того, чтобы „окашивать“ бѣдняковъ и, такимъ образомъ, „выживать“ ихъ съ лучшихъ сѣнокосныхъ урочищъ. Кромѣ двухъ названныхъ селеній, вольное пользованіе существуетъ еще въ д. Березкиной, Нижне-Сѣченовой, Быковой, Коломиной, Иглаковой, Бѣлобородовой, но только по отношенію къ самымъ дальнимъ сѣнокоснымъ урочищамъ, на которыхъ и косятъ всѣ, кто не имѣетъ „своего“ покоса или не можетъ удовлетвориться послѣднимъ. Всѣ ближніе, лучшіе по качеству непоемные покосы въ названныхъ шести селеніяхъ, равно какъ и вся масса непоемныхъ покосовъ въ остальныхъ селеніяхъ Нелюбинской волости, состоитъ въ заимочномъ пользованіи—„ по старымъ занятіямъ“, по „чищеніямъ“. Это послѣднее выраженіе, весьма употребительное у крестьянъ разсматриваемой мѣстности и вообще Томскаго района, даетъ намъ ключъ къ объясненію причинъ господства здѣсь по отношенію къ покосамъ заимочнаго владѣнія: послѣднее основывается на правѣ затрачиваемаго на расчистку покосныхъ мѣстъ труда, который не могъ-бы окупиться, при ежегодномъ переходѣ покосовъ къ другимъ хозяевамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на общинномъ интересѣ, требующемъ расчистки покосовъ и охраненія ихъ отъ дальнѣйшаго заростанія; даже на лугахъ, которые, вообще говоря, передѣлены по душамъ, производимыя изъ-подъ ивовой заросли „чищобы“ не входятъ въ число передѣляемыхъ пространствъ и остаются въ заимочномъ пользованіи расчистившихъ. Какъ-бы то ни было, но вольное пользованіе по отношенію къ сѣнокосамъ не только въ Нелюбинской волости, но и во всемъ Томскомъ районѣ имѣетъ лишь третьестепенное значеніе и совершенно не является такимъ необходимымъ звеномъ въ цѣпи развитія формъ пользованія сѣнокосными угодьями, какимъ

оно является по отношенію къ пашнямъ: переходъ къ душевому пользованію, какъ мы увидимъ, частью совершился, а частью совершается въ Спасской и Семилужной волостяхъ непосредственно отъ формы владѣнія по „чищеніямъ“, слѣдовательно отъ формы заимочной, совершенно минуя форму вольнаго пользованія. Въ частности, въ *Спасской* волости остатки прежнихъ формъ пользованія покосами сохранились лишь въ четырехъ общинахъ: въ с. Спасскомъ и д. Батуриной по отношенію къ части покосовъ (поемные луга передѣлены по душамъ), въ д. Вороновой и Пѣтуховой—по всей массѣ ихъ; въ с. Спасскомъ не передѣленные по душамъ еланные и дубровные покосы состоятъ въ вольномъ пользованіи, въ остальныхъ трехъ селеніяхъ—въ захватномъ, съ явными признаками начала перехода къ душевому пользованію. Въ *Семилужной* волости вольное пользованіе существуетъ только въ одномъ мѣстѣ—именно въ д. Лязгиной и Бражкиной по отношенію къ состоящему въ общемъ пользованіи крестьянъ этихъ двухъ селеній дальнему сѣнокосному участку; въ трехъ селеніяхъ Лязгинскаго сельскаго общества (дер. Нехорошевой, Корниловой и Родіоновой) и во всемъ Киргизскомъ сельскомъ обществѣ уже совершился переходъ къ душевому пользованію; въ остальныхъ селеніяхъ Семилужной волости сѣнокосныя угодья состоятъ въ заимочномъ владѣніи, причемъ однако вездѣ, кромѣ только непринадлежащихъ къ составу Томскаго района д. Турунтаевой и с. Подломнаго, обнаружились уже явленія перехода къ душевому порядку пользованія.

Переходя затѣмъ къ порядку пользованія сѣнокосными угодьями въ *Чулымскомъ* районѣ, мы должны сперва упомянуть отдѣльно о покосныхъ мѣстахъ, прилегающихъ къ существующимъ, какъ мы знаемъ, почти на всемъ протяженіи района юридически или фактически „заимкамъ“ и входящихъ, такъ сказать, въ сферу притяженія послѣднихъ. Такіе покосы всегда слѣдуютъ судьбѣ самихъ заимокъ: пока заимочникъ такъ или иначе поддерживаетъ свои исключительныя притязанія, такіе покосы остаются въ его исключительномъ пользованіи, и это послѣднее охраняется чрезвычайно ревниво. Въ книгахъ рѣшеній волостныхъ судовъ есть немало дѣлъ о дракахъ, возникшихъ изъ за того, что заимочники запрещали косить траву „по близости ихъ пашни“ и, въ случаѣ отказа подчиняться ихъ требованіямъ, не задумывались прибѣгнуть и къ силѣ,—есть и дѣла о ложныхъ обвиненіяхъ „по злобѣ“ за то, что кто-либо осмѣливался косить траву вблизи какой-либо заимки.

Что касается затѣмъ до сѣнокосныхъ угодій, не входящихъ въ сферу притяженія заимокъ, то по отношенію къ *поемнымъ лугамъ* и въ Чулымскомъ районѣ, въ значительной мѣрѣ, успѣлъ совершиться переходъ къ душевому пользованію. Именно, луга передѣляются: въ Ишимской волости—въ

д. Марьевкѣ, Спасо-Яйской, въ с. Жарковскомъ, Ишимскомъ, Сергіевскомъ и Мазаловскомъ; въ Почитанской—въ д. Средней и Нижней Почитанкѣ; въ Зырянской—въ с. Богословскомъ, д. Шиняевой и Туиндатѣ, а также отчасти („домашніе“ луга) въ с. Зырянскомъ и Красноярскомъ; въ Баимской—въ д. Благовѣщенской, двухъ Антибесахъ и Баимской и нѣкотрыхъ другихъ. Болѣе старинныя формы пользованія лугами сохранились: во всѣхъ при-Яйскихъ (кромѣ д. Спасо-Яйской) и при-Чулымскихъ селеніяхъ сѣверной половины Ишимской волости, а въ южной половинѣ ея—въ с. Сужденскомъ; въ Зырянской волости – въ д. Цыгановой, Тавлинской, Окунеѣ и отчасти (дальніе луга) въ с. Зырянскомъ и Красноярскомъ, въ Баимской—въ д. Тенгулахъ и Примѣткиной. Въ одной только изъ перечисленныхъ общинъ луга состоятъ въ заимочномъ пользованіи: это именно въ с. Сужденскомъ, гдѣ небольшой лужокъ занятъ на заимочномъ правѣ нѣсколькими дворами. Затѣмъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ не передѣленные луга состоятъ не въ заимочномъ, а въ вольномъ пользованіи, и притомъ въ сѣверной части Ишимской волости—въ общемъ вольномъ пользованіи цѣлыхъ группъ селеній: одну такую группу составляютъ четыре за-Чулымскихъ селенія (безъ с. Архангельскаго) вмѣстѣ съ тремя инородческими юртами, другую—четыре при-Яйскихъ селенія: Больше-Дорохова, Воронина-Яя, Ѳеоктистова и Больше-Жирова.—По отношенію къ поемнымъ лугамъ, однако, вольное пользованіе встрѣчается въ двоякой формѣ: въ сравнительно бѣдныхъ лугами селеніяхъ (каковы при-Яйскія селенія Ишимской вол. и нѣк. др.)—въ той типичной своей формѣ *), когда „никто не можетъ занять въ свое исключительное пользованіе (хотя-бы на время одного сѣнокоснаго періода) какой-либо части общинныхъ сѣнокосныхъ угодій: если одинъ общинникъ началъ косить въ какомъ-нибудь урочищѣ, то это не можетъ помѣшать другому начать косить рядомъ съ нимъ“. Въ очень богатыхъ поемными лугами общинахъ,—каковы при-Чулымскія и за-Чулымскія селенія Ишимской и Зырянской волостей,—пользованіе этими лугами иногда облекается въ форму, которая имѣетъ переходный характеръ отъ типическаго „заимочнаго“ къ типическому „вольному пользованію“, и которую можно обозначить названіемъ способа *ежегоднаго свободнаго захвата*. Форма эта имѣетъ то общее съ формою вольнаго пользованія, что каждому общиннику предоставляется производить сѣнокошеніе на любомъ участкѣ общинныхъ угодій, не стѣсняясь тѣмъ, кто гдѣ косилъ въ прежніе годы; съ заимочною формой—то, что общинникъ можетъ на время одного сѣнокоснаго періода захватить въ свое исключительное пользованіе такой участокъ, какой онъ считаетъ для себя нужнымъ и посильнымъ. Дѣлается это путемъ „закоса“: въ опредѣленный общиною день всѣ общинники выхо-

*) См. «Зап.-Сиб. матеріалы». Вып. V, ст. 129.

дятъ на луга, и всякій пріобрѣтаетъ на данный годъ исключительное право на все то пространство, какое успѣваетъ „закосить“ кругомъ въ теченіе этого дня *). Возможная, очевидно, только при чрезвычайномъ изобиліи луговъ, эта форма пользованія въ названныхъ мѣстностяхъ ни для кого не является стѣснительною: луговъ здѣсь такъ много, что часть ихъ пространства останется невыкошенною: косятъ только лучшую траву, которой, однако, съ избыткомъ хватаетъ для всѣхъ, и слѣдовательно право свободнаго захвата каждаго общинника можетъ осуществляться здѣсь, не причиняя никому ущерба. Если при такихъ условіяхъ по отношенію къ лугамъ не установилось типическое (многолѣтнее) заимочное владѣніе, какое во многихъ мѣстностяхъ существуетъ по отношенію къ лѣснымъ покосамъ, то это объясняется, кажется намъ, отсутствіемъ важнаго элемента, на почвѣ котораго только и можетъ установиться заимочное право—элемента трудового: поемные луга были для крестьянина даромъ природы, не требуя затраты труда на первоначальную расчистку; въ то-же время, благодаря изобилію ихъ и малой ихъ доходности, не ощущается потребности въ дальнѣйшихъ расчисткахъ или мѣрахъ для предупрежденія ихъ заростанія, и, слѣдовательно, установленіе по отношенію къ нимъ заимочнаго владѣнія не имѣло-бы за себя никакого разумнаго основанія.

Формы пользованія не-поемными покосами въ Чулымскомъ районѣ, вообще говоря, стоятъ на низшей ступени развитія, нежели формы пользованія поемными лугами: душевое пользованіе по отношенію къ первымъ еще нигдѣ не водворилось, что, впрочемъ, и вполнѣ понятно въ виду ихъ повсемѣстнаго изобилія и совершенно ничтожной цѣнности. Что касается до предшествующихъ душевому пользованію формъ, то онѣ представляютъ здѣсь по отношенію къ поемнымъ покосамъ гораздо болѣе разнообразія, нежели по отношенію къ поемнымъ лугамъ. Въ цѣломъ рядѣ особенно богатыхъ дубровными и еланными покосами общинъ до сихъ поръ сохранилось еще типичное заимочное владѣніе сѣнокосными угодьями, причемъ въ большинствѣ случаевъ „заимочные“ покосы каждаго общинника расположены по близости отъ его заимочныхъ пашенъ; такой порядокъ ненарушимо господствуетъ до настоящаго времени, напр., въ Лебедянской, Вороно-Пашенской, Усманской и Мало-Жировской общинахъ Ишимской волости; въ Почитанской волости—въ д. Больше-Песчанкѣ, въ Баимской—въ с. Константиновскомъ и д. Ключевой и т. д., причемъ однако въ нѣкоторыхъ изъ этихъ общинъ въ составъ сѣнокосныхъ „заимокъ“ вошла далеко не вся масса общинныхъ покосовъ: болѣе или менѣе значительная часть послѣднихъ не захвачена никѣмъ и косится всѣми желающими. Въ большинствѣ общинъ, далѣе, существовавшее

*) Эта форма пользованія сравнительно недавно существовала въ Ишимскомъ округѣ Тобольск. губ. См. тамъ-же, стр. 131.

прежде заимочное владѣніе уступило уже мѣсто вольному пользованію, основанному на принципѣ: „кто первый пришелъ, тотъ и коситъ“. Этотъ порядокъ водворился, напримѣръ, во всей Зырянской волости, въ Благовѣщенской, Антибесскихъ, Тенгулинской, Сусловской, Тяжинской, Примѣткинской общинахъ Баимской вол.; въ Ишимской волости въ д. Марьевкѣ, Кайлѣ, Спасо-Яйской, Больше-Дороховой; въ Почитанской—въ д. Бекетѣ, Средне-и Нижне-Почитанской, с. Ижморскомъ и др.; по многимъ изъ этихъ общинъ мы имѣемъ прямыя указанія на то, что еще недавно и здѣсь господствовалъ „заимочный“ порядокъ пользованія покосами, но что этотъ порядокъ уступилъ мѣсто вольному пользованію подъ непосредственнымъ вліяніемъ „утѣсненія“, явившагося результатомъ размноженія населенія. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ пользованіе покосами стоитъ на переходной ступени отъ захватнаго къ вольному пользованію. Переходъ этотъ совершается въ различныхъ общинахъ различнымъ путемъ; какъ на примѣры переходнаго состоянія мы можемъ указать на с. Мазаловское (Ишимской волости) и с. Почитанское. Въ первомъ господоствуетъ порядокъ, который сами крестьяне признаютъ „безобразнымъ“: община не признаетъ ни за кѣмъ заимочнаго права на покосы; но фактически крупные пахари не пускаютъ никого косить на участкахъ, прилегающихъ къ ихъ заимкамъ; у кого къ пашнямъ прилегаетъ мало покосовъ или кто вовсе не имѣетъ пашни, тѣмъ почти вовсе не удается поэтому косить на общинныхъ земляхъ, а приходится ѣхать косить въ богатыя покосами д. Турунтаеву, Усманку и т. п.. Въ с. Почитанскомъ мы видимъ совершенно иное: здѣсь часть покосовъ—именно тѣ, къ расчисткѣ которыхъ сравнительно недавно былъ приложенъ трудъ,—осталась неприкосновенною въ заимочномъ владѣніи; форма пользованія остальною массою покосовъ имѣетъ неопредѣленный характеръ: обыкновенно каждый остается косить на насиженномъ мѣстѣ; но бываютъ нерѣдко и случаи „заѣзда“ на чужія мѣста. Такіе случаи иногда ведутъ къ спорамъ, но чаще оканчиваются мирно: бывшій заимочникъ и пришелецъ остаются оба на спорномъ мѣстѣ и только раздѣляютъ его между собой: „ты по сю сторону коси, я по ту буду“ ..

Резюмируемъ сказанное о порядкахъ пользованія сѣнокосными угодьями. Въ Томскомъ районѣ всѣ поемные луга уже передѣлены по душамъ; передѣлена и значительная часть непоемныхъ покосовъ, на другой части въ настоящее время совершается переходъ къ душевому пользованію; остальная часть, за ничтожными исключеніями, находится въ заимочномъ владѣніи, переходъ отъ котораго къ душевому совершается непосредственно. Въ Чулымскомъ районѣ передѣлена по душамъ только часть луговъ, а остальная часть состоитъ либо въ вольномъ, либо въ ежегодно-захватномъ пользованіи. Непоемные покосы, прежде состоявшіе въ заимочномъ пользованіи, постепен-

но поступаютъ въ вольное пользованіе; душевое же пользованіе по отношенію къ нимъ еще не появлялось.

Чтобы покончить съ формами владѣнія землею, въ основаніи которыхъ, такъ или иначе, лежитъ не регулированный захватъ, мы должны остановиться еще на одномъ вопросѣ,—именно на вопросѣ о правѣ захвата сѣнокосныхъ мѣстъ съ цѣлью обращенія ихъ въ пашню. Въ виду повсемѣстнаго изобилія сѣнокосныхъ угодій и отсутствія признаковъ, свидѣтельствующихъ о необходимости охраненія сѣнокосовъ, община совершенно не вмѣшивается въ этотъ вопросъ, и послѣдній возникаетъ только съ точки зрѣнія интересовъ, страдающихъ отъ подобныхъ захватовъ отдѣльныхъ лицъ. Вопросъ этотъ поэтому имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ сѣнокосныя мѣста (мы говоримъ здѣсь только о постоянныхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ,—о правѣ на „выпаши“ была рѣчь выше) - состоятъ въ чьемъ-либо заимочномъ владѣніи, и совершенно отпадаетъ въ тѣхъ многочисленныхъ въ Чулымскомъ районѣ общинахъ, гдѣ покосы состоятъ въ вольномъ пользованіи, и слѣдовательно распашка ихъ не нарушаетъ интересовъ никакого отдѣльнаго лица. Съ другой стороны, вопросъ этотъ самъ собой разрѣшается и въ тѣхъ изобилующихъ въ Чулымскомъ-же краѣ общинахъ, гдѣ юридически или фактически продолжаютъ существовать типичныя „заимки“: заимочникъ, не допускающій постороннихъ лицъ распахивать въ предѣлахъ своей заимки залежи или косить сѣнокосныя мѣста, тѣмъ болѣе не позволитъ никому распахивать тѣхъ мѣстъ, которыя служатъ ему для сѣнокошенія. Такимъ образомъ разсматриваемый вопросъ имѣетъ значеніе только для тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ типическаго заимочнаго владѣнія, а покосы состоятъ въ то-же время въ пользованіи „по чищеніямъ“, по „старому занятію“,—словомъ въ пользованіи отдѣльныхъ домохозяйствъ.—И общимъ, не знающимъ исключенія правиломъ является въ этомъ случаѣ полная свобода производства распашекъ на сѣнокосныхъ мѣстахъ: „сохѣ, говорятъ крестьяне, препятствовать нельзя“... Но въ то время, какъ однѣ общины (для примѣра назовемъ Батуринскую, Лучановскую—Спасской волости; Киргизскую, Халдеевскую—Семилужной волости; Вороно-Пашенскую—Ишимской волости) въ случаѣ распашки чужого покоса освобождаютъ распахавшаго отъ всякой обязанности вознаградить владѣльца покоса,—въ другихъ (напр. Жуковская—Спасской волости; Суровская—Семилужной волости) распахавшій обязывается вознаградить владѣльца распаханнаго сѣнокоса равнымъ по производительности и качеству травы количествомъ сѣнокоса изъ своего „занятія“; въ нѣкоторыхъ общинахъ, по окончаніи періода обработки распаханной изъ подъ покоса земли, „выпашь“ возвращается къ первоначальному владѣльцу, который возвращаетъ полученный въ видѣ вознагражденія покосъ. Обязательность вознагражденія въ случаяхъ распашки чужого покоса признаютъ, повидимому,

и волостные суды: изъ четырехъ имѣющихся въ нашихъ матеріалахъ и относящихся къ этому вопросу рѣшеній въ одномъ (Спасскій волостной судъ, 6. IX. 86, № 41 и 1. VII. 86, № 16) судъ прямо призналъ обязательность вознагражденія (которой впрочемъ не отрицалъ и отвѣтчикъ); въ остальныхъ двухъ судъ отказалъ въ искахъ о вознагражденіи, но по основаніямъ, вовсе не отрицающимъ права на вознагражденіе за распаханный покосъ, а на оборотъ—заключающимъ въ себѣ косвенное признаніе этого права: въ одномъ (Ишимскій волостной судъ, 11. VI. 89, № 60)—„за бездоказательностью“, въ другомъ (тоже, 6. IX. 86, № 41)—на томъ основаніи, что истецъ (ссыльный) „въ подтвержденіе того, что захваченный покосъ былъ имъ купленъ..., фактическихъ доказательствъ не представилъ, въ общество никакихъ налоговъ за пользованіе землей не уплачиваетъ и разрѣшеній отъ него на пользованіе сѣнокосными мѣстами не имѣетъ“.

IV.

Мы переходимъ теперь къ обзору констатированныхъ въ изслѣдованномъ краѣ случаевъ *душевого пользованія*. По отношенію къ *пахатнымъ землямъ* мы можемъ указать всего на два такихъ случая, стоящихъ совершенно обособленно и не имѣющихъ тѣсной связи съ общимъ ходомъ развитія формъ землевладѣнія въ изслѣдованомъ краѣ.

Первый случай относится къ д. *Марьевкѣ*, Ишимской волости (новоселы—мордва изъ Пензенской губ.). Здѣсь ближнія пашни (дальнія состоятъ въ вольномъ пользованіи) сейчасъ-же по основаніи селенія были *разбиты на три поля* (единственный случай во всемъ изслѣдованномъ краѣ!) и передѣлены по душамъ

Другой случай относится къ самому послѣднему времени—къ 1890 году. Крестьяне д. *Тюменевой* (Баимской волости, старожилы) рѣшили передѣлить землю, въ виду предстоящей отрѣзки излишнихъ земель подъ переселенческіе участки для того, чтобы каждый имѣлъ возможность своевременно сѣсть на „свою“ землю.

Этими двумя случаями ограничиваются по отношенію къ пахатнымъ землямъ всѣ попытки перехода къ душевому пользованію. Это и понятно, такъ какъ такой переходъ, при огромномъ земельномъ просторѣ, совершенно не вызывался необходимостью. Съ отрѣзкою всѣхъ излишнихъ земель въ составъ переселенческихъ участковъ, положеніе дѣлъ, конечно, радикально измѣнится, и переходъ къ душевому пользованію, какъ отлично сознаютъ и сами крестьяне, въ весьма скоромъ времени совершится, если не вездѣ, то въ весьма значительной части общинъ изслѣдованнаго края и въ частности—Чулымскаго земледѣльческаго района.

Формы пользованія *сѣнокосными угодьями* въ изслѣдованномъ краѣ представляютъ совсѣмъ другую картину: какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго изложенія, въ душевомъ пользованіи состоитъ здѣсь уже весьма значительная часть сѣнокосовъ. Въ особенности значительные успѣхи душевое пользованіе сдѣлало въ *Томскомъ* районѣ, что обусловливается, съ одной стороны, сравнительною ограниченностью количества сѣнокосныхъ угодій, съ другой—довольно высокою рентною доходностью—результатомъ близости къ Томску и развитія промысловаго сѣнокошенія. Какъ велико было вліяніе этихъ обстоятельствъ на развитіе формъ пользованія покосами, можно видѣть уже изъ сдѣланнаго въ предыдущей главѣ обзора географическаго распространенія душевого пользованія: послѣднее окончательно вытѣснило прежнія формы пользованія почти во всей Спасской волости и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ближайшихъ къ городу обществъ Семилужной—какъ разъ въ районѣ наибольшаго развитія промысловыхъ заготовокъ сѣна, гдѣ даже сравнительно малодоходные лѣсные покосы имѣютъ довольно высокую рентную цѣнность; въ тѣхъ изъ селеній Семилужной волости, гдѣ сѣнокосы еще не передѣлены, наблюдаются уже явленія, свидѣтельствующія о близкомъ переходѣ къ душевому пользованію. Въ Нелюбинской волости, гдѣ сѣнокошеніе, какъ особый промыселъ, почти не существуетъ, вся масса неполемныхъ покосовъ осталась въ захватномъ или вольномъ пользованіи; передѣлены на души только поемные луга, имѣющіе для крестьянъ, благодаря дешевизнѣ уборки и высокому качеству сѣна, болѣе высокую цѣнность. Въ *Чулымскомъ* районѣ, гдѣ сѣнокосныя угодья чрезвычайно обширны, а излишки сѣна не имѣютъ сбыта, не было почвы для развитія душевого пользованія; передѣлена только часть поемныхъ луговъ, что опять-таки является результатомъ сравнительной ограниченности ихъ количества и ихъ болѣе высокой цѣнности. Отрѣзка излишнихъ земель въ переселенческіе участки послужитъ, конечно, и по отношенію къ этимъ угодьямъ толчкомъ, который вызоветъ быстрый и почти повсемѣстный переходъ къ душевому владѣнію.

Поемные луга, какъ видно изъ сказаннаго, начали передѣляться гораздо раньше лѣсныхъ и вообще неполемныхъ покосовъ: изслѣдованіе застало по отношенію къ нимъ душевую форму владѣнія вполнѣ упрочившеюся и нигдѣ не констатировало момента перехода къ этой формѣ отъ прежнихъ формъпользованія. Напротивъ по отношенію къ *лѣснымъ покосамъ* переходъ къ душевому пользованію начался весьма недавно; въ однихъ общинахъ онъ уже болѣе или менѣе завершился, хотя еще нигдѣ не выработано сколько-нибудь точныхъ способовъ передѣла, въ другихъ—еще происходитъ борьба душевого принципа съ прежнимъ захватнымъ владѣніемъ и постепенное вытѣсненіе послѣдняго первымъ.

При заимочномъ пользованіи въ его чистомъ видѣ, какой наблюдается въ волостяхъ Чулымскаго района и въ Нелюбинской, община безусловно не

вмѣшивается въ вопросы владѣнія покосами: прибылому населенію предоставляется „захватывать“ себѣ сѣнокосныя мѣста въ урочищахъ, оставшихся никѣмъ незахваченными, садиться на выморочныя „заимки“ и т. п. И вотъ первымъ, очень робкимъ, нерѣшительнымъ шагомъ къ душевому владѣнію является отводъ прибылымъ душамъ, властью общины, сѣнокосовъ изъ пустолежащихъ или освобождающихся за выбытіемъ прежнихъ владѣльцевъ мѣстъ, съ полнымъ признаніемъ въ то-же время общей неприкосновенности права на занятые покосы. Община тутъ еще не вноситъ ничего новаго; она только санкціонируетъ своею властью ранѣе существовавшій порядокъ первоначальнаго завладѣнія покосами, но уже эта санкція сама по себѣ имѣетъ существенное значеніе: она показываетъ, что въ общинѣ пробудилось сознаніе ея правъ, какъ верховнаго распорядителя земли,—и это сознаніе уже неминуемо должно повести къ дальнѣйшему преобразованію порядковъ землевладѣнія. На этой ступени изслѣдованіе застало пользованіе покосами въ двухъ общинахъ: Софроновской (Семилужной волости) и Батуринской (Спасской волости, въ послѣдней по отношенію къ однимъ лѣснымъ покосамъ).

Но остановиться на этой ступени община не можетъ: съ одной стороны, для прибылой души не всегда оказывается въ наличности освободившаяся сѣнокосная „заимка“, съ другой—такая душа скоро перестаетъ довольствоваться отводомъ изъ пустопорожнихъ мѣстъ, гдѣ покосъ приходится разрабатывать вновь подъ постояннымъ страхомъ, что расчищенное мѣсто будетъ захвачено кѣмъ-либо другимъ подъ пашню; наконецъ и удобныхъ для обращенія въ покосъ пустопорожнихъ мѣстъ можетъ не оказаться въ наличности. Между тѣмъ подросшій „малолѣтъ“, видѣвшій, какъ другимъ „малолѣтамъ“ отводили хорошій покосъ, и для себя начинаетъ требовать такого-же отвода, и община переходитъ уже къ слѣдующей ступени въ развитіи формъ пользованія покосами, къ той ступени, которую изслѣдованіе застало въ Батуринской и Пѣтуховской общинахъ (Спасской волости), во всѣхъ селеніяхъ Конининскаго и Воронинскаго сельскаго общества, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Лязгинскаго сельскаго общества и въ д. Халдеевой (Семилужной волости): она *начинаетъ отбирать часть захваченныхъ покосовъ у тѣхъ изъ общинниковъ, „занятія“ которыхъ, сравнительно съ числомъ платимыхъ ими душъ, особенно обширны.*—„Выѣдемъ въ Петровъ день, разсказывали намъ Халдеевскіе крестьяне,—увидимъ у кого покосовъ больно много, ну и скажемъ: ты, братъ, отдай сколько-нибудь, а то крестьянину косить негдѣ будетъ,—да такъ и назначимъ: по сю сторону лога ты коси, а онъ по ту сторону“. Отрѣзки дѣлаются, такимъ образомъ, не на основаніи какихъ-либо обмѣровъ, а „на глазъ“, на основаніи точнаго знакомства общины съ размѣрами фактическаго землепользованія каждаго изъ ея членовъ.—Первые шаги общины на этомъ пути очень не легки: владѣльцы покосовъ—„старо-

жилы"—нерѣдко отказываются отдавать свою „отцовщину", свои „чищобы" ссылаясь то на право давности, то на право затраченнаго на расчистку покоса труда; они „галдятъ" на сходѣ и нерѣдко, благодаря своей зажиточности и связанному съ нею вліянію, успѣваютъ воспрепятствовать постановленію сходомъ неудобнаго для нихъ рѣшенія; если же такое рѣшеніе состоялось, они пытаются отстоять свои притязанія путемъ жалобъ начальству, волостному суду и т. п.,—наконецъ, нерѣдко не останавливаются и передъ насильственными мѣрами, чтобы не допустить получившаго отъ общины отводъ лица до осуществленія его права. Приведемъ здѣсь характерный отрывокъ изъ заявленія, имѣющагося въ „дѣлѣ" Семилужнаго волостного суда за 1886 годъ: „крестьянами д. Аркашовой былъ данъ мнѣ покосъ, которымъ раньше пользовался крестьянинъ В. И. Сафроновъ, на этотъ покосъ на пользованіе имъ мнѣ дана обществомъ бумага; и когда я пришелъ косить его, то В. Сафроновъ не допустилъ меня косить его, угрожая сжечь его, и бросился первоначально на косившаго вмѣстѣ со мной крестьянина И. Сиротина съ литовкой (косой), а потомъ бросился съ нею на меня, ударивъ меня въ грудь; хотя таковой (покосъ) и былъ мною скошенъ по приказанію сельскаго старосты, но тѣмъ не менѣе В. Сафроновъ вопреки приказанію старосты сгребъ его и сметалъ и теперь взялъ это сѣно въ свое пользованіе, и мнѣ таковое не отдаетъ". Случаи, подобные описанному, повторимъ, вначалѣ бываютъ нерѣдко, и лишь постепенно заимочники примиряются съ необходимостью и отказываются отъ сопротивленія уравнительной дѣятельности общины.

Сначала рѣдкія, „глазомѣрныя" отрѣзки отъ чрезмѣрно-большихъ заимокъ постепенно учащаются и приводятъ въ концѣ концовъ къ тому, что сѣнокосныя „занятія" всѣхъ общинниковъ оказываются приблизительно пропорціональными числу лежащихъ на каждомъ изъ нихъ платежныхъ душъ,—*приблизительно* потому, что дѣлаемыми „на глазъ" отрѣзками нѣтъ возможности достигнуть вполнѣ точной пропорціональности. Во всякомъ случаѣ, отрѣзки эти приводятъ къ такому распредѣленію покосовъ, при которомъ ни у кого нѣтъ явныхъ, на глазъ видныхъ излишковъ сравнительно съ другими,—*приводятъ*, слѣдовательно, *къ душевому*, хотя и не удовлетворительно организованному *пользованію*.—Когда эта цѣль достигнута, то задача общины, при появленіи вновь подлежащихъ надѣленію покосомъ душъ, становится еще труднѣе: она не находитъ уже ни у кого явнаго излишка, который можно было-бы отрѣзать для прибылой души, и потому, если не оказывается случайно освободившейся „мертвой" или „солдатской" сѣнокосной души, должна прибѣгать къ *равномѣрнымъ отрѣзкамъ отъ всѣхъ сѣнокосныхъ душъ* съ цѣлью составленія надѣла для „малолѣтка". Отрѣзки эти, опять-таки, дѣлаются „на глазъ": отрѣзываютъ отъ каждой души на

„стожокъ“, на „полстожка“, смотря по числу подлежащихъ образованію душевыхъ участковъ, и подгоняютъ отрѣзки „къ одному мѣсту“ такимъ образомъ, чтобы вновь образуемыя „души“ были, по возможности, менѣе разбросаны. Такимъ порядкомъ ежегодно производится передѣлъ—если только есть подлежащія надѣленію прибылыя души - во всей средней и въ большей части селеній сѣверной части Спасской волости, а также въ Киргизскомъ и отчасти въ Лязгинскомъ сельскомъ обществѣ Семилужной волости.

Порядокъ этотъ по существу, очевидно, вполнѣ подходитъ подъ тотъ типъ передѣловъ, который былъ уже описанъ нами въ Ишимскомъ округѣ и обозначенъ названіемъ передѣла „отрѣзкою излишковъ“, передѣла „по старшинству“ или по „вотчинамъ“ *),—способъ, въ наибольшей мѣрѣ способный обезпечить интересы „старожильскихъ“ душъ и весьма плохо служащій интересамъ „малолѣтковъ“. Но наблюдаемый въ изслѣдованомъ краѣ порядокъ является, очевидно, самою несовершенною разновидностью этого типа: здѣсь нѣтъ ни распредѣленія на сорта, которое обезпечивало-бы качественное равенство паевъ, ни даже обмѣра послѣднихъ, который обезпечивалъ-бы равенство количественное. Нечего удивляться, что при такихъ условіяхъ при передѣлахъ господствуетъ изрядный безпорядокъ: „старожительныя“ души могутъ отрицать наличность у нихъ излишка, „малолѣты“—считать себя обдѣленными; отсюда, конечно, масса споровъ и „галдѣнія“, и передѣлъ ежегодно затягивается на очень продолжительное время: „дѣлятъ съ Петрова и до Ильина дня,—говорятъ крестьяне,—каждый реветъ: мнѣ мало, а начнутъ косить—у всѣхъ остается“. Но независимо отъ неудовлетворительности самыхъ способовъ передѣла, не вездѣ оказывается сломленнымъ сопротивленіе и старыхъ заимочниковъ: мы можемъ указать, напр., на д. Аникину, Просѣкину (Спасской волости), Корнилову, Родіонову (Семилужной волости), гдѣ, при общемъ господствѣ душевого порядка, нѣкоторыя крупныя „занятія“ до сихъ поръ остаются нетронутыми, чѣмъ соотвѣтственно уменьшаются, конечно, доли остальныхъ душъ.

Сравнительно болѣе совершеннымъ порядкомъ организовано пользованіе непоемными покосами только въ д. *Заварзиной* (Спасской волости). Покосы передѣлены здѣсь, хотя и „глазомѣрно“,—но съ распредѣленіемъ на два сорта (въ „логахъ“ и „на елани“); при передѣлѣ оставленъ былъ въ каждомъ сортѣ довольно значительный запасъ; прибылыя души надѣляются или участками убылыхъ душъ или, если свободныхъ участковъ не оказывается, имъ нарѣзаются паи изъ запаснаго участка; надѣлы, состоящіе въ пользованіи „старыхъ“ душъ, со времени передѣла остаются совершенно неприкосновенными.

---

*) См. „Зап.-Сибир. матеріалы“, вып. V, стр. 207—210 и др.

Порядки передѣла, примѣняемые къ *поемнымъ лугамъ*, представляются въ общемъ гораздо болѣе совершенными, нежели порядки передѣла посемныхъ покосовъ. Въ частности въ Томскомъ районѣ они, въ свою очередь, гораздо совершеннѣе, нежели въ Чулымскомъ. Въ этомъ послѣднемъ передѣлъ луговъ производится почти исключительно „глазомѣрнымъ“ способомъ, между тѣмъ какъ въ Томскомъ районѣ—почти исключительно съ предварительнымъ обмѣромъ. Затѣмъ внутри каждой изъ этихъ двухъ крупныхъ группъ порядки передѣла представляются весьма разнообразными и не подходятъ ни подъ какія общія характеристики, почему мы и должны дать хотя-бы краткій обзоръ порядковъ, употребительныхъ въ отдѣльныхъ перешедшихъ къ душевому пользованію общинахъ:

А) *Чулымскій районъ*. Наименѣе совершенный порядокъ передѣла мы находимъ въ д. *Спасо-Яйской* (Ишимской вол.) и *Тушкашѣ* (Зырянской вол.): раздѣлъ луговъ производится здѣсь ежегодно по урочищамъ, по простому неоформленному соглашенію, способомъ, близкимъ къ простому захвату.

Въ с. *Богословскомъ* (Зырянской вол.) ежегодно нарѣзываютъ душевые участки, „глядя по травѣ“, и распредѣляютъ ихъ между общинниками по жребію.

Во всѣхъ остальныхъ общинахъ Чулымскаго района, по которымъ мы имѣемъ свѣдѣнія о техникѣ передѣла луговъ, послѣдній производится двухъ- или даже трехстепеннымъ порядкомъ:

Въ д. *Марьевкѣ* (Ишимской вол.) луга передѣляются ежегодно; они разбиты на десятидушевые „паи“, мѣста которыхъ намѣчены издавна; границы паевъ при общихъ хорошихъ урожаяхъ травы обозначаются обычными, „старыми“ межами, при худыхъ—къ паямъ съ худою травой дѣлаются прирѣзки отъ паевъ съ хорошею травой. Разборъ паевъ какъ между „десятками“, такъ и внутри послѣднихъ—между душами, производится жеребьевкой.

Сходенъ въ принципѣ порядокъ ежегоднаго передѣла въ д. *Шиняевой* (Зырянской волости); разница въ томъ, что луга ежегодно разбиваются здѣсь на участки разной величины; община опредѣляетъ число душъ, могущихъ помѣститься въ каждомъ изъ нихъ; жребій указываетъ каждой душѣ тотъ участокъ, гдѣ она должна косить, а внутри участковъ души распредѣляютъ между собой мѣста вторичной жеребьевкой.

Въ д. *Средн.* и *Нижн. Почитанкахъ* (Почитанской волости) луга, какъ въ д. Марьевкѣ, разбиты „на глазъ“ на 10-душевыя „стекла“, размѣръ которыхъ обратно пропорціоналенъ качеству травы. Общинники соединились въ „десятки“ и брали за себя „стекла“ въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены усадьбы въ селеніи. Передѣлъ между „десятками“ былъ произведенъ на неопредѣленный срокъ и полнаго передѣла съ тѣхъ поръ не было: если какой-либо „десятокъ“ жаловался на свой участокъ, то его обмѣнива-

ли мѣстами съ какимъ-либо другимъ, по усмотрѣнію общины; если такихъ жалобъ не было—все оставалось по старому. Внутри „десятковъ“ души обмѣниваются мѣстами: въ однихъ „десяткахъ“ ежегодно; въ другихъ—разъ въ три года.

Въ д. *Большомъ* и *Маломъ Антибесахъ* (Баимской волости) луга разбиты на „десяточные“ участки такимъ-же порядкомъ какъ и въ предыдущемъ случаѣ; „десятки“ обмѣниваются мѣстами разъ въ три года, а внутри „десятковъ“ разверстка дѣлается по жребію. „Прибылыя души“ причисляются одиннадцатыми къ тѣмъ „десяткамъ“, которые „сидятъ“ на лучшихъ урочищахъ.

Въ д. *Благовѣщенской* (той-же волости) луга передѣляются разъ въ 2—3 года, трехстепеннымъ порядкомъ: они разбиты на три большихъ „стекла“, въ каждое изъ которыхъ души записываются по своему усмотрѣнію („на любки“)—въ каждое „стекло“ запишется, очевидно, тѣмъ больше душъ, чѣмъ въ немъ лучше трава (отъ 50 до 80 душъ въ каждое). Въ каждомъ „стеклѣ“ по жребію отбираются „десятки“, которые дѣлятъ „стекло“ на „десяточные паи“, а затѣмъ въ каждомъ десяткѣ общинники „конаются“ на душевые паи.

Въ с. *Зырянскомъ* и *Красноярскомъ* (Зырянской волости) передѣлены только небольшіе „домашніе“ луга, которые необходимы каждому „для осени“, когда еще нельзя перевезти сѣна съ дальнихъ луговъ. Порядокъ передѣла такой: на душу полагается по полосѣ въ 5 саж. ширины (длиной во всю ширину луга); община издавна нарѣзала „десяточныя“ полосы въ 50 саж. ширины; эти полосы ежегодно разбираются между „десятками“ по жребію, а внутри „десятковъ“ „дѣлятъ, какъ знаютъ“: одни—длинными 5-саженными полосами, другіе—„круглыми“ участками, безъ всякаго вмѣшательства общины.

Въ *Томскомъ* районѣ *„глазомѣрный“* способъ передѣла принятъ по отношенію къ лугамъ только въ одной общинѣ—*Поздняковской* (Нелюбинской волости): луга раздѣлены здѣсь безъ распредѣленія на сорта (въ чемъ не было надобности въ виду однокачественности луговъ) паями, отмѣрявшимся „по числу конецъ“; разборъ паевъ производился по простому соглашенію. Передѣлъ произведенъ на долгій срокъ; если кому случится накосить менѣе другихъ, то тотъ жалуется обществу, и послѣднее, провѣривъ справедливость претензіи, дѣлаетъ прирѣзку.

Передѣлъ съ нарѣзкой *полосъ опредѣленнаго поперечника* (длина= ширинѣ луга) производится въ двухъ общинахъ—*Иштанской* и *Казюлинской* (Нелюбинской волости). Передѣлъ былъ произведенъ здѣсь уже давно, безъ распредѣленія на сорта, полосами по 20 саж. ширины; прибылымъ душамъ либо даютъ полосы убылыхъ, либо, если такихъ полосъ нѣтъ, дѣлаютъ

отъ всѣхъ полосъ равномѣрные отрѣзки, которые сводятъ къ одному мѣсту посредствомъ передвижки.

Во всѣхъ остальныхъ общинахъ Томскаго района, имѣющихъ въ своемъ пользованіи поемные луга, послѣдніе передѣлены *полосами опредѣленной квадратной мѣры*, причемъ въ деталяхъ передѣлъ производился весьма разнообразными способами:

Въ д. *Чернильщиковой* (Нелюбинской волости) на душу подѣлено по 1 десятинѣ такимъ образомъ, что каждой душѣ отводятъ „неполную десятину и прирѣзку въ другомъ мѣстѣ“. Паи отводятъ обществомъ такимъ образомъ, что „старыя“ души получаютъ лучшія десятины, „малолѣты“— худшія, а затѣмъ получившимъ лучшія десятины даются худшія прирѣзки, и обратно.

Въ д. *Попадейкиной*, *Петровой* (Ниж.), с. *Иглаковомъ* и д. *Луговой* съ выселк. *Кижировскимъ* луга передѣлены однимъ общимъ порядкомъ.

Передѣлъ произведенъ былъ въ этихъ селеніяхъ очень давно, причемъ на душу первоначально отводилось: въ д. Попадейкиной по 6 десятинъ. въ Петровой—по 5, въ Иглаковомъ –по 3, въ Луговой—по 4 десятины; о способѣ первоначальнаго отвода полосъ на души мы не имѣемъ свѣдѣній. Съ тѣхъ поръ новаго общаго передѣла не бывало, но для прибылыхъ душъ производились, по мѣрѣ ихъ поступленія въ окладъ, отрѣзки по $^1/_8$ или по $^1/_4$ дес. съ каждой души, причемъ эти отрѣзки путемъ передвижки сводились въ довольно большія полосы, которыя и отводились прибылымъ. Благодаря этимъ отрѣзкамъ, въ настоящее время на душу приходится:

въ *Попадейкиной*	4	десятины	въ	4	сортахъ
„ *Петровой*.	$3^1/_4$	„	„	4	„
„ *Иглаковомъ*	2	„	„	2	„
„ *Луговой*	2	„	„	3	„

Наконецъ, въ с. *Спасскомъ* на душу подѣлено по 4 десятины въ 4 сортахъ, причемъ въ счетъ луговъ 4-го сорта, чтобы дополнить душевой пай до полныхъ 4 десятинъ, включена была часть лучшихъ покосовъ „въ логахъ“; къ худшимъ десятинамъ при этомъ прирѣзывались небольшія полоски отъ лучшихъ. Полосы разныхъ сортовъ комбинировались въ душевые паи по усмотрѣнію „общества“, а паи разбирались между душами по жребію. Передѣлъ былъ произведенъ на неопредѣленный срокъ, и съ тѣхъ поръ для прибылыхъ душъ всегда хватало паевъ, освобождавшихся за смертью, уходомъ въ солдаты прежнихъ владѣльцевъ и т. п., такъ что ни въ какихъ коренныхъ измѣненіяхъ распредѣленія паевъ надобности не было.

Резюмируя сказанное по вопросу о порядкахъ передѣла сѣнокосныхъ угодій, мы видимъ, что, по отношенію къ *дубровнымъ* и вообще *неполемнымъ*

покосамъ, развитіе этихъ порядковъ идетъ со строгою и притомъ вездѣ одинаковою—по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ—послѣдовательностью; развитіе это до настоящаго времени нигдѣ не пошло дальше самыхъ несовершенныхъ, первобытныхъ пріемовъ передѣла, которымъ надо пройти еще довольно длинный путь, чтобы доразвиться до тѣхъ пріемовъ, которые практикуются въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи; и едва-ли можно сомнѣваться, что именно въ этихъ пріемахъ, основанныхъ на началѣ субъективнаго равенства и на принципѣ обратной пропорціональности размѣра и качества „душевого пайка“ *), лежитъ та цѣль, къ которой стремятся въ своемъ развитіи порядки пользованія непоемными сѣнокосами въ изслѣдованномъ краѣ.—Что касается до *поемныхъ* луговъ, то по отношенію къ нимъ мы не могли установить того процесса, путемъ котораго совершился переходъ къ душевому пользованію, и послѣдовательности развитія формъ этого послѣдняго. Мы можемъ только съ увѣренностью утверждать, что первоначальными формами передѣла луговъ были тѣ, которыя мы наблюдаемъ и нынѣ въ Чулымскомъ районѣ,—формы двустепеннаго передѣла, связанныя съ болѣе или менѣе точнымъ измѣреніемъ общаго пространства луговъ и площади отдѣльныхъ душевыхъ надѣловъ. На болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, далѣе, какими несомнѣнно являются порядки, наблюдаемые въ Чулымскомъ районѣ, передѣлъ производится ежегодно или черезъ весьма краткіе сроки, жеребьевымъ или инымъ способомъ, ведущимъ къ постоянному обмѣну полосъ межлу общинниками; на ступеняхъ болѣе позднихъ, въ Томскомъ районѣ основной передѣлъ совершается на весьма продолжительный или даже неопредѣленный срокъ, и только при невозможности обезпечить прибылыя души полосами убылыхъ, для первыхъ дѣлаются отрѣзки отъ надѣловъ „старыхъ душъ“; такимъ образомъ обезпечивается продолжительность пребыванія полосъ въ однихъ рукахъ, а слѣдовательно и возможность затраты труда на поддержаніе луговъ въ хорошемъ состояніи **).

Чтобы покончить съ порядками душевого пользованія въ ихъ примѣненіи къ сѣнокоснымъ угодьямъ, мы должны сказать еще, что община въ изслѣдованномъ краѣ и въ частности—въ Томскомъ районѣ (въ Чулымскомъ, благодаря изобилію покосовъ, вопросъ не возникалъ), относится весьма бережно

*) См. „Зап.-Сибир. матеріалы“, вып. V, стр. 242—244.

**) Къ сказанному добавимъ еще, что переходъ по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ къ душевому пользованію, обусловливаясь, какъ было уже указываемо выше, причинами естественно-экономическаго характера, очевидно никоимъ образомъ не можетъ быть приписанъ вліянію пришлаго и въ частности—переселенческаго элемента. Въ Томскомъ районѣ, гдѣ душевое пользованіе сдѣлало такіе значительные успѣхи, этотъ элементъ почти совершенно отсутствуетъ. въ Чулымскомъ - изъ тѣхъ 12 общинъ, въ которыхъ мы констатировали душевое владѣніе лугаами, только пять (Красноярская, Благовѣщенская, Спасо-Яйская, Марьевская и Богусловская) оказались состоящими изъ новоселовъ, населеніе остальныхъ семи составляютъ старожилы, безъ всякой примѣси переселенческаго элемента.

къ труду затрачиваемому отдѣльными общинниками на расчистку земли подъ покосъ: „чищобы“, т. е. сѣнокосныя мѣста, расчищенныя отдѣльными общинниками въ сравнительно недавнее время и въ особенности—послѣ послѣдняго передѣла нигдѣ не включаются въ число передѣляемыхъ угодій, а остаются въ исключительномъ пользованіи тѣхъ, кто ихъ расчищалъ. Въ случаѣ нарушенія со стороны общины, право на „чищобу“ находитъ себѣ весьма энергическую охрану со стороны волостного суда, который признаетъ это право даже за лицами, не въ полной мѣрѣ участвующими или даже вовсе не участвующими въ общественныхъ платежахъ и повинностяхъ и потому, собственно говоря, не имѣющими права на пользованіе общинными угодьями *).

V.

Переходимъ теперь къ обзору способовъ пользованія лѣсами.

При господствѣ по отношенію ко всѣмъ видамъ земельныхъ угодій захватно-заимочнаго владѣнія, а также и нѣсколько позднѣйшей формы—вольнаго пользованія, каждому общиннику,—мало того, даже каждому проживающему въ общинѣ постороннему лицу предоставляется ничѣмъ не ограниченное право рубки общиннаго лѣса; община не стѣсняетъ никого ни въ отношеніи размѣровъ лѣсныхъ заготовокъ, ни цѣли ихъ, ни избираемаго мѣста: каждый можетъ рубить лѣсъ въ произвольномъ количествѣ, прибѣгая, въ случаѣ надобности, къ найму рабочихъ для заготовки лѣса и лошадей для его вывозки; онъ можетъ рубить лѣсъ и для потребностей собственнаго хозяйства, и на продажу, можетъ рубить вездѣ, „куда топоръ ходитъ“, не стѣсняясь даже границами недоступныхъ въ другихъ отношеніяхъ для вторженія посторонних лицъ заимокъ.

Эта неограниченно-вольная форма пользованія лѣсами до сихъ поръ безраздѣльно господствуетъ на всемъ протяженіи Чулымскаго района, какъ въ мѣстностѣхъ наиболѣе богатыхъ лѣсомъ, такъ и въ сравнительно обезлѣсенныхъ частяхъ этого послѣдняго, причемъ къ перечисленнымъ уже здѣсь присоединяется еще одна характерная черта: свобода пользованія лѣсовъ не ограничивается даже юридическими и обычными границами землевладѣнія отдѣльныхъ селе-

*) Приводимъ для примѣра характерное рѣшеніе Спасскаго вол. суда отъ 2. VII 88, № 31: „Волостной судъ слушалъ жалобу крестьянина Филиппа Батрацкаго о томъ, что общество с. Спасскаго, отобрало у него расчищенный имъ покосъ, находящійся на островѣ противъ д. Калтайской; мѣстность эта была заросщена и никому не была надѣлена; сельскій староста Васильевъ объяснилъ, что отобрано у него покосное мѣсто, расчищенное имъ, потому что онъ платитъ половину противъ другихъ подати. Волостной судъ, имѣя въ виду, что покосное мѣсто расчищалъ Филиппъ Батрацкій, почему оно и должно принадлежать ему, постановилъ: расчищенное Филипповымъ Батрацкимъ на островѣ противъ юрт Калтайскихъ покосное мѣсто оставить въ его пользованіи, о чемъ объявить Батрацкому и старостѣ Васильеву, который долженъ о настоящемъ рѣшеніи объявить обществу с. Спасскаго.

ній, а распространяется на всю территорію волости, иногда даже и за предѣлы этой послѣдней. При условіяхъ, которыя мы лишь въ самыхъ блѣдныхъ чертахъ могли обрисовать въ главѣ I, существованіе здѣсь такого порядка, или вѣрнѣе--безпорядка, представляется совершенно понятнымъ: лѣса для собственныхъ потребностей хватаетъ съ избыткомъ, сколько нибудь выгоднаго сбыта на сторону нѣтъ, цѣнности на корню лѣсъ не имѣетъ; понятно, что община при такихъ условіяхъ считаетъ излишнимъ стѣснять свободу пользованія лѣсовъ; община не видитъ необходимости стѣснять эту свободу: чрезмѣрно большихъ заготокъ лѣса и въ частности—заготовокъ на продажу никто не производитъ, лѣса, не смотря на вырубки и пожары, много („на нашъ вѣкъ хватитъ"),--слѣдовательно мѣръ къ охраненію лѣса принимать не стоитъ; съ другой стороны—лѣсъ на корню совершенно не имѣетъ цѣны, слѣдовательно никто не заинтересованъ въ установленіи по отношенію къ нему порядковъ душевого пользованія.

Совсѣмъ другія условія мы видимъ, благодаря близости большого города, въ Томскомъ районѣ. Выгодный сбытъ, который находятъ себѣ на городскомъ базарѣ лѣсные матеріалы, съ одной стороны повышаетъ цѣны этихъ послѣднихъ выше заготовительной стоимости и, слѣдовательно, создаетъ для лѣса рентную цѣнность, съ другой—побуждаетъ крестьянъ, имѣющихъ къ тому средства, къ усиленнымъ лѣснымъ заготовкамъ, другими словами—къ усиленному лѣсоистребленію: „дай богатому волю,--говорятъ крестьяне,—онъ изъ нашей дачи весь лѣсъ повывозитъ!" Понятно, что община въ Томскомъ районѣ не можетъ уже относиться индифферентно къ порядкамъ пользованія лѣсами; видя въ растущемъ лѣсѣ нѣкоторую цѣнность, она прежде всего вспоминаетъ о своемъ правѣ на исключительное пользованіе всѣми угодьями, въ томъ числѣ и лѣсами, и перестаетъ допускать постороннихъ лицъ, въ томъ числѣ и „чужедеревенскихъ" крестьянъ, къ пользованію ея лѣсомъ: во всемъ Томскомъ районѣ, дѣйствительно, волостное единство въ пользованіи лѣсами исчезло, и крестьяне пользуются правомъ рубки лѣса исключительно въ дачахъ своихъ селенныхъ общинъ. Нѣкоторыя особенно богатыя лѣсомъ общины (напр., Нелюбинская, Губинская Нелюбинской волости), правда, пускаютъ безпрепятственно рубить въ своей дачѣ лѣсъ крестьянъ ближайшихъ бѣдныхъ лѣсомъ селеній, но дѣлаютъ это исключительно „изъ чести", вполнѣ сознавая свое право не допускать постороннихъ крестьянъ. Въ большинствѣ же случаевъ общины допускаютъ чужихъ—хотя-бы и одноволостныхъ—крестьянъ рубить лѣсъ не иначе, какъ за опредѣленную поденную или посаженную плату (такіе случаи особенно распространены въ южной части Нелюбинской волости).

Итакъ, повторяемъ, первое слѣдствіе усиленнаго спроса на лѣсъ, обусловливаемаго близостью города,—это полное обособленіе, въ смыслѣ поль-

зованія лѣсомъ, отдѣльныхъ селенныхъ общинъ, прежде сливавшихся въ этомъ отношеніи въ одно волостное цѣлое. Какъ только совершилось это обособленіе, община сейчасъ-же сознаетъ себя заинтересованною въ охранѣ лѣсовъ отъ чрезмѣрно быстраго истребленія. Она далеко не сразу приходитъ, однако, къ мысли о необходимости измѣненія самихъ основъ прежняго порядка пользованія лѣсами; она долго оставляетъ принципъ вольнаго пользованія неприкосновеннымъ и только принимаетъ мѣры противъ злоупотребленій этимъ принципомъ со стороны зажиточныхъ общинниковъ: не стѣсняя ихъ, сначала, въ правѣ прибѣгать къ найму рабочихъ для заготовки лѣсныхъ матеріаловъ, она въ то-же время запрещаетъ прибѣгать къ найму лошадей для доставки этихъ матеріаловъ на рынокъ, чѣмъ, разумѣется, кладется нѣкоторый, хотя и весьма растяжимый, предѣлъ размѣрамъ лѣсныхъ заготовокъ зажиточныхъ крестьянъ. Въ то-же время община отчасти выходитъ и изъ прежняго безучастнаго отношенія къ самому способу производства порубокъ лѣса: въ Чулымскомъ районѣ, гдѣ лѣсомъ не дорожатъ, порубки производятся самымъ безпорядочнымъ способомъ: почва засоряется сучьями и обрубками деревьевъ, дающими превосходную пищу для лѣсныхъ пожаровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко заваливаются сучьями и мѣста, годныя для сѣнокошенія, что въ виду изобилія и малоцѣнности покосовъ никого не смущаетъ. Въ Томскомъ районѣ, гдѣ сѣнокосовъ гораздо меньше, цѣнность ихъ довольно значительна, а многіе изъ нихъ въ значительной мѣрѣ созданы затраченнымъ на ихъ расчистку трудомъ, община требуетъ къ нимъ болѣе бережнаго отношенія: если производится порубка лѣсныхъ насажденій на мѣстахъ, служащихъ въ то-же время для сѣнокошенія, она заставляетъ порубщика очищать такія мѣста отъ сучьевъ и т. п., вообще—приводить ихъ въ такой-же удобный для сѣнокошенія видъ, въ какомъ они были раньше.

Въ значительной, сравнительно удаленной отъ г. Томска, части Томскаго района, а именно: во всей Нелюбинской волости, кромѣ с. Иглакова, въ Семилужной—кромѣ нѣсколькихъ селеній ближайшаго къ Томску Лязгинскаго сельскаго общества, въ Спасской волости въ д. Пѣтуховой, Головиной и Кисловой, вмѣшательство общины въ порядки пользованія лѣсами не пошло дальше. Во всѣхъ этихъ общинахъ, слѣдовательно, лѣса состоятъ въ вольномъ пользованіи крестьянъ каждой данной селенной общины; право на рубку лѣса, совершенно независимое отъ участія въ платежѣ податей и сборовъ, ограничивается только запрещеніемъ возить на продажу заготовленный лѣсъ на нанятыхъ подводахъ; въ выборѣ мѣста для порубокъ общинникамъ предоставляется полная свобода, но при заготовкахъ на сѣнокосныхъ мѣстахъ, на нихъ возлагается обязанность очистки вырубленныхъ мѣстъ отъ сучьевъ.

Пользованіе лѣсами въ Спасской волости и въ нѣсколькихъ названныхъ выше общинахъ Семилужной и Нелюбинской волостей облекается уже въ го-

раздо болѣе совершенныя формы, преставляющія собой проявленія двухъ совершенно различныхъ принциповъ: принципа передѣла на душевые участки и принципа вырубки по лѣсосѣкамъ. Крайнее разнообразіе комбинацій этихъ двухъ принциповъ вмѣстѣ съ высокимъ теоретическимъ и практическимъ интересомъ вопроса о порядкахъ пользованія лѣсами заставляетъ насъ дать подробный обзоръ порядковъ пользованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лѣсоохраненія, выработанныхъ всѣми отдѣльными общинами указанной небольшой пригородной области.

С. *Иланово* (Нелюбинской волости). Въ 1877 году „запрещено“ около половины всѣхъ общинныхъ лѣсовъ—участокъ около 4 верстъ длины и 1 версты ширины,—срокомъ до 1891 года, когда запрещеніе съ этого участка имѣло быть снято и перенесено на остальную часть лѣсовъ. Въ несостоящемъ подъ запрещеніемъ лѣсу, каждый общинникъ можетъ рубить безъ ограниченія.

Д. *Нехорошева* (Семилужной волости) Лѣсъ передѣленъ на постоянные душевые участки въ двухъ сортахъ: хвойный лѣсъ особо, березнякъ—особо. Душевые участки въ каждомъ сортѣ нарѣзывались „глазомѣрно“, и границы ихъ опредѣлялись тропинками или „засѣками“. Разборъ участковъ производится по обоюдному соглашенію: „ты здѣсь бери, а не глянется—я возьму“.

Д. *Корнилова* и *Родіонова* (той-же волости). Лѣсъ передѣленъ на постоянные участки тѣмъ-же способомъ, что и въ предыдущемъ случаѣ; часть лѣса, ближайшая къ Сибирскому тракту, осталась не раздѣленною, такъ какъ постоянныя самовольныя порубки, производимыя горожанами, дѣлаютъ охраненіе лѣса въ этихъ урочищахъ невозможнымъ.

Въ д. *Лязгиной*, *Бражкиной* и *Круглыхиной* (той-же волости). Лѣсъ по способу пользованія можетъ быть разбитъ на три категоріи: а) *добавочный* общій *участокъ*, отведенный всѣмъ тремъ селеніямъ, остался въ вольномъ пользованіи, благодаря чему въ настоящее время почти совершенно истребленъ; б) лѣсъ, растущій въ *поскотинахъ* въ д. Лязгиной и Круглыхиной также остался въ вольномъ пользованіи и тоже почти истребленъ; въ д. Бражкиной этотъ лѣсъ (хвойный) состоитъ подъ запрещеніемъ, которое снимается разъ въ 10 лѣтъ; для вырубки заказной лѣсъ раздѣляется на мѣрные участки (10×1 десятисаженныхъ веревокъ=1000 кв. саж. на душу), которые разбираются по жребію; в) лѣсъ, растущій *внѣ поскотины* —„по еланямъ“, передѣленъ на души тѣмъ-же способомъ, что и въ названныхъ ранѣе селеніяхъ Семилужной волости.

Въ с. *Спасскомъ* (Спасской волости) пользованіе лѣсомъ также организовано двоякимъ порядкомъ: а) лѣсъ въ *поскотинѣ* съ 1850 по 1870 г. былъ подъ безусловнымъ запрещеніемъ; въ 1860 г. его передѣлили на ду-

шевые участки, которые нарѣзывались безъ мѣры такимъ образомъ, чтобы пространство каждаго участка было обратно пропорціонально качеству лѣса; въ 1889 году лѣсъ былъ передѣленъ вновь, но на этотъ разъ уже мѣрными участками, по 2½ десятины на „годную душу“, „а старикамъ и вдовицамъ по одной съ четвертью десятины, и по передѣлкѣ всего лѣса по согласію между собою, что если у кого окажется излишекъ, то рощенный лѣсъ не отбирать, а взять вырубленный безобидно“ (приговоръ Спасскаго сельскаго схода 16 V. 1889); передѣлъ былъ такимъ образомъ произведенъ способомъ отрѣзки излишковъ *) въ той его формѣ, которая наиболѣе благопріятствуетъ выращиванію лѣса на душевыхъ надѣлахъ. — б) По „еланямъ“, *внѣ поскотины*, лѣсъ передѣленъ душевыми участками, нарѣзанными „глазомѣрно“ съ соблюденіемъ обратной пропорціональности размѣра участковъ качеству лѣса; разбирались участки тоже отрѣзкой излишковъ.

Душевые участки въ с. Спасскомъ не предоставляются, однако, какъ въ большинствѣ другихъ общинъ, въ неограниченное распоряженіе надѣляемыхъ ими общинниковъ: лѣсъ *не дозволяется вырубать до тла*, а деревья толщиною „въ оглоблю“ и менѣе должны оставаться на выростъ—и въ случаѣ намѣреннаго нарушенія этого запрещенія, община не останавливается передъ довольно энергическими мѣрами, какъ видно изъ слѣдующаго случая: незадолго до 1889 года одинъ крестьянинъ, имѣя сдать „въ общество“ участокъ своего сына, взятаго въ военную службу, предварительно вырубилъ на немъ весь лѣсъ до тла; за это община при передѣлѣ 1889 г. „посадила его самого на эти вырубки“. Благодаря такому порядку, малолѣтки при передѣлѣ получаютъ такую заросль, которая уже черезъ 5—6 лѣтъ можетъ обратиться въ порядочный дровяной лѣсъ.

Д. *Батурина* (той-же волости). Лѣсныя заросли въ смыслѣ порядка пользованія распадаются на четыре разряда: 1) *березовый* лѣсъ а) въ *поскотинѣ* находился 15 лѣтъ подъ запрещеніемъ; теперь его вырубаютъ ежегодно по 10 саженъ (однополѣнн.) на платежную душу,—количество, по заявленію крестьянъ, не ведущее къ замѣтной убыли лѣса; б) „на *еланяхъ*“—въ вольномъ пользованіи, причемъ, однако, деревья толщиною въ оглоблю и менѣе воспрещается рубить; 2) *сосновый* лѣсъ, а) въ *поскотинѣ* запрещенъ лѣтъ 20 тому назадъ на неопредѣленный заранѣе срокъ и до сихъ поръ состоитъ подъ запрещеніемъ; б) „на *еланяхъ*“—въ вольномъ пользованіи; но рубка на продажу и на дрова воспрещена общиной, такъ что эта часть лѣса служитъ исключительно для крестьянскихъ построекъ.

Въ д. *Вороновой* лѣсъ передѣленъ лѣтъ 15 тому назадъ—около 1875 г.; о способѣ передѣла крестьяне разсказывали такъ: „выѣхали верхами и

*) См. «Зап.-Сиб. матеріалы». Вып. V, стр. 265—269.

расповытили (разграничили): это твоя грива, это моя; а не хочешь ты, такъ я на нее сяду". При передѣлѣ оставили для „прибылыхъ" душъ довольно большой запасной участокъ, благодаря чему съ 1875 г. не пришлось возобновлять передѣла.

Въ д. *Игатовой* и *Лучановой* лѣса распредѣлены въ каждой на двѣ лѣсосѣки, которыя „запрещаются" поочередно; „запрещеніе" каждой лѣсосѣки продолжается отъ 5 до 7 лѣтъ („дольше бѣдноте не терпится"), по истеченіи которыхъ, лѣсосѣка раздѣляется „глазомѣрно" на душевые участки; послѣдніе отводятся общинникамъ по соглашенію или по жребію и вырубаются по усмотрѣнію.

Въ д. *Аксеновой*, *Ниж.-Шубиной* и *Бѣлоусовой* лѣсъ, растущій *внѣ поскотины*, былъ передѣленъ лѣтъ 30 тому назадъ на „глазомѣрные" душевые участки, размѣромъ обратно пропорціональные качеству лѣса; съ тѣхъ поръ общаго передѣла не было; „малолѣтовъ" сажаютъ на „убылыя души" или образуютъ для нихъ „пайки" изъ заросшихъ лѣсомъ залежей". Въ *поскотинѣ* лѣсъ въ д. Бѣлоусовой оставался въ вольномъ пользованіи, благодаря чему въ настоящее время онъ совершенно истребленъ; въ Ниж.-Шубиной онъ запрещается цѣликомъ, запрещеніе снимается черезъ 7—8 лѣтніе періоды, и тогда лѣсъ вырубается на началахъ вольнаго захвата; въ Аксеновой онъ уже давно передѣленъ на постоянные душевые участки; послѣдніе нарѣзывались съ мѣры, по 2 десятины на душу, но къ тѣмъ участкамъ, гдѣ лѣсъ былъ плохъ, дѣлались прирѣзки изъ „закрайковъ"; новаго передѣла съ тѣхъ поръ не было, и „малолѣты" „поскотинныхъ пайковъ" не получаютъ.

Въ д. *Большининой* и *Федосѣевой* всѣ лѣсныя заросли разбиты въ каждой на 2 лѣсосѣки, которыя поочередно запрещаются и пускаются въ рубку: въ первой—черезъ 35—40 лѣтніе, во второй—черезъ 7—8 лѣтніе промежутки времени; разница въ продолжительности сроковъ запрещенія зависитъ отъ того, что въ Федосѣевой въ окладъ поступаетъ больше „малолѣтовъ", которые и настаиваютъ на болѣе скоромъ снятіи запрещенія. Пускаемая въ рубку лѣсосѣка дѣлится „глазомѣрно" на душевые участки (по величинѣ обратно пропорціонально качеству лѣса), которые разбираются по жребію: „малолѣты", вписанные въ окладъ въ промежуткѣ между двумя запрещеніями, остаются безъ лѣса до ближайшаго снятія запрещенія.

Въ д. *Проскикиной* лѣсъ, растущій въ поскотинѣ, состоитъ подъ постояннымъ запрещеніемъ („ростится"), и только время отъ времени назначается въ вырубку отъ 3 до 5 саженъ дровъ на душу. Остальные лѣса этого селенія, равно какъ и всѣ лѣса д. *Аникиной* и *Исаревой*, разбиты на двѣ лѣсосѣки, которыя поочередно запрещаются на 10—15 лѣтній срокъ; но такъ какъ, съ одной стороны, лѣсъ въ лѣсосѣкѣ пущенной въ рубку истощается скорѣе, а съ другой—благодаря установленному общиною обычаю не

рубить лѣса до тла (оставляютъ даже 2—3 вершковыя деревья), лѣсъ въ запрещенной лѣсосѣкѣ весьма скоро подростаетъ до довольно крупныхъ размѣровъ (4—5 в.), то запрещеніе всегда снимается раньше срока,—обыкновенно по истеченіи 6—7 лѣтъ. Пускаемая въ рубку лѣсосѣка передѣляется „глазомѣрными“ душевыми участками, которые разбираются по обоюдному соглашенію или по жребію.

Въ д. *Кучумовой*, *Еркиной* и *Плотниковой* лѣса передѣлены въ 1863 г. на постоянные душевые „глазомѣрные“ участки, размѣръ которыхъ обратно пропорціоналенъ качеству лѣса. Общаго передѣла съ тѣхъ поръ не было. „Малолѣтамъ“, по мѣрѣ ихъ поверстанія въ окладъ, отводятъ пайки „убылыхъ“ душъ или образуютъ для нихъ душевые участки путемъ „глазомѣрныхъ“ отрѣзокъ отъ пайковъ „старыхъ“ душъ; въ отрѣзки эти захватываютъ по преимуществу вырубленныя мѣста, оставляя „рощенныя“ „старымъ“ душамъ, и, по мѣрѣ возможности, сводятъ отрѣзки къ однимъ мѣстамъ.

Въ с. *Протопоповомъ* и д. *Протопоповой* лѣсъ раздѣленъ на 2 лѣсосѣки и „запрещается“ черезъ 7—8 лѣтъ (промежутки времени; въ рубку лѣсосѣки пускаются „глазомѣрными“ душевыми участками.

Въ д. *Заварзиной*, *Бородиной* и *Хайдуковой* общинные лѣса въ смыслѣ порядковъ пользованія распадаются на нѣсколько категорій: 1) лѣсъ *въ поскотинахъ*: а) *березовый* во всѣхъ трехъ селеніяхъ былъ въ теченіе около 10 лѣтъ подъ заказомъ: когда онъ подросъ—заказъ сняли и начали ежегодно производить вырубки дровъ въ количествѣ, опредѣленномъ общиною (въ Заварзиной и Хайдуковой по 5 саженъ, въ Бородиной по 2 сажени на душу, „полудушки“—въ половину); б) *еловый* и *пихтовый* вырощенъ, путемъ продолжительнаго запрещенія, до крупныхъ размѣровъ; его рубятъ только на постройки (изъ этого лѣса выстроены всѣ дачи), каждый разъ съ особаго разрѣшенія общины, даваемаго ежегодно одному или двумъ хозяевамъ; продажа этого лѣса безусловно воспрещена. Оберегая лѣса въ поскотинѣ, общины имѣютъ цѣлью, между прочимъ, привлеченіе дачниковъ, которые ѣздятъ въ названныя селенія главнымъ образомъ изъ-за здороваго лѣснаго воздуха. 2) Лѣсъ *внѣ поскотины* въ Заварзиной остается въ неограниченномъ вольномъ пользованіи, благодаря чему теперь почти совершенно истребленъ; въ Бородиной и Хайдуковой этотъ лѣсъ передѣленъ на постоянные душевые участки, которые, въ видахъ обезпеченія лучшей очистки отъ сучьевъ и т. п., отведены каждому общиннику въ томъ-же мѣстѣ, гдѣ сѣнокосный пай („гдѣ покосъ, тамъ и лѣсъ“); душевые участки нарѣзывались „глазомѣрно“: гдѣ лѣсъ рѣже, отводилось больше мѣста, и обратно. При передѣлѣ былъ оставленъ на прибылыя души запасъ, благодаря чему душевые участки „старыхъ душъ“ остаются неприкосновенными безъ нарушенія интересовъ „малолѣтовъ“.

Въ д. *Оловяшишниковой* двѣ лѣсосѣки, которыя поочередно запрещаются и пускаются въ рубку каждые 3—4 года („дольше нужда не терпитъ"!); для вырубки лѣсосѣка дѣлится на „глазомѣрные" душевые участки.

Въ д. *Савиной* и *Жуковой* всѣ лѣса раздѣлены на постоянные душевые участки неопредѣленнаго размѣра („гдѣ лѣсъ хуже, тамъ пай больше"), которые отводились каждому общиннику въ однихъ мѣстахъ съ сѣнокосными пами. Прибылыя души садятся на участки убылыхъ.

Приведенный обзоръ показываетъ, что въ ближайшей къ Томску части пригороднаго района, населенной, замѣтимъ между прочимъ, исключительно старожилами, безъ малѣйшей примѣси переселенческаго элемента, встрѣчаются, несмотря на малочисленность входящихъ въ составъ этой части общинъ, крайне разнообразные порядки пользованія лѣсами. Если сосчитать всѣ разновидности этихъ порядковъ и всѣ комбинаціи ихъ, то число тѣхъ и другихъ окажется, вѣроятно, больше числа самихъ общинъ!...

Разобраться въ этомъ чрезвычайномъ разнообразіи формъ пользованія лѣсами не легко; въ частности мы совершенно не имѣемъ никакихъ данныхъ для выясненія причинъ, почему общины, въ видахъ достиженія нѣкоторой равномѣрности въ пользованіи общинными лѣсами, а также и въ видахъ предохраненія послѣднихъ отъ истребленія, обращались къ тѣмъ или другимъ порядкамъ: иногда—къ лѣсосѣчной системѣ къ той или другой ея формѣ, иногда—къ передѣлу лѣсовъ на постоянные душевые участки; мы не можемъ даже сказать, какого рода порядки стали возникать ранѣе, какіе—позже: съ одной стороны, мы имѣемъ указанія на случаи „запрещеній", имѣвшіе мѣсто еще въ началѣ 50-хъ годовъ и даже ранѣе, съ другой—есть указанія на передѣлы, произведенные столь давно, что крестьяне успѣли забыть о порядкѣ, какимъ эти передѣлы были произведены. Мы не имѣемъ также никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли-бы попытаться предсказать будущій ходъ развитія формъ пользованія лѣсами и способовъ охраненія ихъ: ни лѣсосѣчная система не обнаруживаетъ, сколько мы знаемъ, никакой тенденціи къ переходу въ систему передѣла на постоянные участки, ни, наоборотъ, не наблюдается случаевъ перехода отъ этихъ послѣднихъ къ системѣ лѣсосѣкъ и запрещеній.

Если загѣмъ поставить себѣ вопросъ, какая изъ двухъ системъ представляется болѣе желательною въ интересахъ лѣсоохраненія, то отвѣтъ будетъ, кажется намъ, въ пользу постоянныхъ душевыхъ участковъ. Въ самомъ дѣлѣ: система поочередныхъ запрещеній и вырубокъ по лѣсосѣкамъ можетъ привести лѣса въ хорошее состояніе только при продолжительныхъ срокахъ запрещеній: въ 25, 20, 15 лѣтъ „запрещенный" лѣсъ можетъ, конечно, достаточно подрости; если, напротивъ, какъ мы это видѣли во многихъ общинахъ, лѣсъ запрещается на 7, 5 даже на 3 года, то такія запрещенія

могутъ, очевидно, обезпечить общину развѣ только плохимъ дровянымъ лѣсомъ, и никакъ не могутъ привести общинныхъ лѣсовъ въ удовлетворительное состояніе. Между тѣмъ условія, дѣйствующія рѣшительно въ каждой общинѣ, неуклонно ведутъ къ сокращенію сроковъ запрещеній: съ одной стороны, такого сокращенія требуютъ интересы зачисляемыхъ въ окладъ въ промежутокъ времени между двумя запрещеніями „малолѣтовъ“, которые впредь до назначенія въ рубку находящагося въ данный моментъ подъ запрещеніемъ участка остаются совершенно безъ лѣсного довольствія; съ другой—на сокращеніи сроковъ настаиваетъ деревенская „бѣднота“, которая, побуждаемая нуждой, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ вырубаетъ достающіеся ей въ свободной отъ запрещенія лѣсосѣкѣ пайки и затѣмъ, при продолжительномъ срокѣ запрещенія, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ остается безъ лѣса. Весьма сильныя въ каждой общинѣ группы „малолѣтовъ“ и „бѣдноты“, такимъ образомъ, крайне заинтересованы въ сокращеніи сроковъ запрещеній, и настоянія ихъ не находятъ себѣ достаточнаго противовѣса, такъ какъ въ продолжительности сроковъ явно и положительно не заинтересована ни одна изъ существующихъ въ общинѣ группъ. Совсѣмъ другое,—при существованіи постоянныхъ душевыхъ участковъ: мы не знаемъ, какъ производился во многихъ случаяхъ первоначальный отводъ такихъ участковъ при переходѣ отъ вольнаго пользованія къ душевому,—да это для интересующаго насъ въ настоящую минуту вопроса и не имѣетъ значенія; но какъ только произошелъ этотъ переходъ,—сейчасъ-же является сильная группа общинниковъ, которые „ростятъ“ свой лѣсъ и потому заинтересованы въ охранѣ неприкосновенности своихъ душевыхъ участковъ; опираясь на свои вполнѣ законныя права, эта группа всегда имѣетъ на установляемые по отношенію къ пользованію лѣсами порядки преобладающее вліяніе: почти во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ разъ произведенный коренной передѣлъ общинныхъ лѣсовъ больше не возобновляется, и производится только частичное надѣленіе лѣсомъ вновь верстающимся въ окладъ „малолѣтнимъ“ душамъ; огромное большинство послѣднихъ надѣлялось лѣсными участками убылыхъ душъ или, при недостачѣ такихъ участковъ, участками вновь образовывавшимися изъ заросшихъ лѣсомъ залежей или нарѣзанными изъ оставленнаго при передѣлѣ запаса; только въ трехъ общинахъ, пользующихся землею въ одной общей дачѣ, для надѣленія прибылыхъ душъ дѣлались отрѣзки отъ душевыхъ участковъ „старыхъ“ душъ, и всего въ одной общинѣ былъ повторенъ общій передѣлъ, почти черезъ 30 лѣтъ послѣ перваго. Какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, такъ и при частичныхъ отрѣзкахъ для надѣленія прибылыхъ душъ, интересы владѣльцевъ душевыхъ участковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересы лѣсохраненія, были въ полной мѣрѣ обезпечены: во владѣніи „старыхъ душъ“ оставлялись всегда лучшія, „рощенныя“ части состоявшихъ въ ихъ пользованіи участ-

ковъ, и только сравнительно вырубленныя, плохія мѣста отрѣзывались и отводились въ пользованіе „малолѣтамъ“; имъ предоставлялась такимъ образомъ возможность воспользоваться плодами выразившейся въ „выращиваніи“ лѣса бережливости, а отдавать „на общество“ приходилось такія части своихъ прежнихъ участковъ, изъ которыхъ они уже успѣли извлечь соотвѣтствующій доходъ; и мы едва-ли ошибемся, если выскажемъ предположеніе, что и будущіе передѣлы общинныхъ лѣсовъ будутъ произведены тѣмъ-же порядкомъ, сущность и основная мысль котораго заключается въ томъ, что *„всякій продолжаетъ пользоваться тѣмъ лѣсомъ, какой онъ для себя выростилъ:* кто, слѣдовательно, до передѣла берегъ свой лѣсъ, не рубилъ его, тотъ сохраняетъ хорошій лѣсъ и послѣ передѣла; кто, напротивъ, вырубилъ свой лѣсъ, тотъ (какъ-бы въ наказаніе) и послѣ передѣла остается на своихъ вырубкахъ“ *); что касается до „малолѣтовъ“, то они не принимали участія въ „рощеніи“ лѣса и потому не имѣютъ права на надѣленіе хорошимъ лѣсомъ; община, отводя имъ участки сравнительно вырубленнаго или молодого лѣса, имѣетъ въ виду, съ одной стороны, снабдить ихъ на ближайшее время топливомъ, съ другой—дать имъ возможность заняться „рощеніемъ“ лѣса и, слѣдовательно, создать для себя и для своихъ потомковъ возможность пользоваться лѣсомъ болѣе крупныхъ размѣровъ и лучшаго качества.

Ясно, что порядокъ, которымъ организовано въ описываемой мѣстности душевое пользованіе лѣсами, представляется въ высокой степени соотвѣтствующимъ интересамъ лѣсоохраненія. Онъ погрѣшаетъ, можетъ быть, въ другую сторону, слишкомъ сурово наказывая бѣдняковъ и нерадивыхъ хозяевъ, не смогшихъ или не съумѣвшихъ уберечь отведеннаго имъ при передѣлѣ лѣса, а также недостаточно обезпечивая интересы „малолѣтовъ“, принужденныхъ довольствоваться, безъ всякой вины съ ихъ стороны, чужими вырубками. Но если, какъ можно ожидать, установленное уже нѣкоторыми общинами ограниченіе безграничной свободы вырубки лѣса на душевыхъ надѣлахъ сдѣлается общимъ правиломъ во всѣхъ общинахъ разсматриваемой мѣстности, то—независимо отъ еще болѣе полнаго достиженія цѣлей лѣсоохраненія—и указанная погрѣшность будетъ въ значительной мѣрѣ устранена: если будетъ запрещена вырубка молодыхъ деревьевъ („въ оглоблю“), то съ одной стороны, бѣдняки и нерадивые хозяева утратятъ возможность до тла истреблять лѣсъ на своихъ надѣлахъ, а слѣдовательно, и при слѣдующихъ передѣлахъ не останутся безъ лѣса; съ другой—„малолѣты“ будутъ получать не одни „пеньки“, а молодой лѣсъ, способный черезъ нѣсколько лѣтъ подрости до достаточно крупныхъ размѣровъ, а топливо давать съ самого момента его отвода.

*) См. „Зап. Сиб. матеріалы“. Вып. V, стр. 263 и сл.

Въ виду изложенныхъ соображеній мы и позволяемъ себѣ думать, что порядокъ передѣла лѣсовъ на постоянные душевые участки, въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствуя духу общиннаго пользованія угодьями, обѣщаетъ въ смыслѣ лѣсоохраненія гораздо болѣе благопріятныя послѣдствія, нежели способъ періодическихъ запрещеній по лѣсосѣкамъ. Едва-ли еще не лучше былъ-бы способъ нормировки ежегодныхъ заготовокъ лѣса, принятый нѣсколькими общинами Спасской волости,—но этотъ способъ могъ-бы обѣщать хорошіе результаты, только въ случаѣ строгаго соотвѣтствія размѣровъ ежегодныхъ вырубокъ размѣрамъ ежегоднаго прироста,—соотвѣтствія, установить которое община едва-ли въ состояніи.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ вопросъ объ относительныхъ достоинствахъ того или другого изъ выработанныхъ Томскою пригородною общиною способовъ организаціи пользованія лѣсами, мы должны, однако, сказать въ заключеніе, что общее вліяніе на состояніе казенно-крестьянскихъ лѣсовъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ общиною для урегулированія пользованія лѣсами и сбереженія послѣднихъ, представляется въ высокой степени благотворнымъ: исключительно благодаря этимъ мѣрамъ, ближайшая къ городу часть Спасской волости сохранила свой лѣсистый характеръ, а Спасская волость вообще осталась одною изъ наиболѣе изобилующихъ лѣсомъ волостей изслѣдованнаго края. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно проѣхать по дачамъ общинъ, примѣнившихъ передѣлъ или систему запрещеній только къ части своихъ лѣсовъ, а остальную часть оставившихъ въ вольномъ пользованіи (д. Заварзина, Бѣлоусова, Лязгина, Бражкина, Круглыхина): въ то время какъ передѣленный или вошедій въ составъ запрещаемыхъ лѣсосѣкъ лѣсъ сохранился въ удовлетворительномъ, а отчасти и въ хорошемъ состояніи, оставшійся въ вольномъ пользованіи лѣсъ совершенно истребленъ и оставилъ вмѣсто себя одни пни или мелкую заросль.

Мы не говорили до сихъ поръ объ одномъ видѣ лѣсныхъ угодій—представляющемъ для населенія особую цѣнность и значеніе—о *кедровникахъ*. Въ составѣ крестьянскихъ дачъ кедровникъ имѣется только въ волостяхъ Томскаго района. Кедровый промыселъ, правда, существуетъ и въ Чулымскомъ районѣ, мѣстами даже въ очень крупныхъ размѣрахъ,—но ареной этого промысла являются здѣсь кедровники, растущіе въ дачахъ единственнаго владѣнія казны и потому не входящіе въ сферу дѣятельности крестьянской общины. Напротивъ, въ Томскомъ районѣ способы пользованія кедровниками составляютъ одну изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ мѣстныхъ общинныхъ порядковъ.

Дѣятельность общины по отношенію къ состоящимъ въ общинной дачѣ кедровникамъ выражается прежде всего въ охраненіи ихъ отъ порубокъ; послѣднія безусловно воспрещены, и изъ этого воспрещенія община допу-

скаетъ только одно изъятіе: срубить кедръ позволяется на гробъ („домовище“) для умершаго общинника. Запрещеніе поддерживается всѣмъ авторитетомъ общины, и въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ его нарушенія виновные наказываются волостнымъ судомъ въ высшей мѣрѣ предоставленной ему карательной власти. Далѣе, общины принимаютъ мѣры и къ поддержанію кедровника въ хорошемъ состояніи: онѣ производятъ время отъ времени (артельнымъ трудомъ или наймомъ) сборы валежника, вырубаютъ мѣшающую росту кедровъ поросль постороннихъ породъ, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы сборъ орѣха, во избѣжаніе поврежденія деревьевъ, производился съ осторожностью и т. д. Этого мало: кедровники въ нѣсколькихъ случаяхъ являются прямымъ созданіемъ общины, которая вырубала цѣлыя рощи, гдѣ между деревьями лиственныхъ породъ были разсѣяны отдѣльные кедры; послѣдніе, получивъ свободу, разростались, появлялся свѣжій подростъ, и въ результатѣ общины пріобрѣтали прекрасные, густые, чистые кедровники.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу объ организаціи пользованія общинными кедровниками, мы нигдѣ не находимъ по отношенію къ нимъ формъ захватнаго и вольнаго пользованія, столь распространенныхъ еще по отношенію ко всѣмъ прочимъ видамъ общинныхъ угодій. Это и понятно: размѣры кедровниковъ настолько ограничены, а доходность ихъ при урожаяхъ орѣха настолько значительна, что община не можетъ отнестись индифферентно къ той крайней неравномѣрности распредѣленія, которая явилась-бы необходимымъ слѣдствіемъ существованія какого-либо изъ названныхъ порядковъ пользованія, и которая особенно обострилась-бы благодаря соблазну, представляемому высокою прибыльностью кедроваго промысла; короче сказать — переходъ по отношенію къ кедровникамъ къ тѣмъ или другимъ формамъ регулированнаго пользованія былъ необходимымъ слѣдствіемъ ихъ высокой рентной доходности.

Мы сказали, что „нигдѣ не находимъ“ въ примѣненіи къ кедровникамъ старыхъ формъ нерегулированнаго пользованія. Но это не совсѣмъ точно: мы не находимъ этихъ формъ только тамъ и тогда, гдѣ и когда сборъ орѣховъ имѣетъ промысловое значеніе. Тамъ, гдѣ кедровники, по своему ничтожному размѣру, дурному качеству или другимъ условіямъ даютъ лишь ничтожное количество орѣха, могущее служить только „дѣтямъ на забаву“ (д. Жукова, Оловянишникова, Аникина, Заварзина Спасской волости, д. Лязгина Семилужной волости),—тамъ община не интересуется ихъ судьбою (хотя тоже не допускаетъ порубокъ) и предоставляетъ желающимъ „забавляться шишкой“ по ихъ усмотрѣнію. Точно также и тамъ, гдѣ кедровники при хорошихъ урожаяхъ даютъ болѣе или менѣе значительный доходъ и соотвѣтственно этому подвергаются въ смыслѣ сбора регулирующему вмѣшательству общины,—при очень худыхъ урожаяхъ, когда сборъ имѣетъ только

характеръ „забавы“ или въ лучшемъ случаѣ только оплачиваетъ работу сборщика, не давая никакого остатка на долю рентнаго дохода, община не вмѣшивается въ порядокъ сбора, предоставляя каждому собирать орѣхъ по его усмотрѣнію.

Обращаясь затѣмъ къ формамъ, въ которыя облекается регулированное пользованіе кедровниками, мы находимъ только въ одной общинѣ сравнительно очень несовершенную форму; именно: въ д. *Нижне-Сычевой* (Нелюбинской волости) все вмѣшательство общины въ организацію пользованія кедровниками ограничивается назначеніемъ дня начала сбора и запрещеніемъ прибѣгать при этомъ послѣднемъ къ услугамъ наемныхъ рабочихъ; затѣмъ въ назначенный для сбора день семьи выходятъ, по усмотрѣнію, хотя-бы въ полномъ составѣ, и производятъ сборъ на началѣ вольнаго захвата; въ противуположность—какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго—всѣмъ остальнымъ общинамъ, право на пользованіе кедровникомъ не приведено здѣсь ни въ какую связь съ разверсткой платежей, а исключительно—съ рабочимъ составомъ семьи. Во всѣхъ остальныхъ общинахъ, гдѣ только существуетъ кедровый промыселъ, право на пользованіе кедровниками поставлено въ зависимость отъ участія въ раскладѣ платежей, и въ частности—не столько податного оклада, сколько мірскихъ платежей: право на ровномѣрное съ другими участіе въ сборѣ орѣха присваивается какъ всѣмъ ревизскимъ плательщикамъ, такъ и платящимъ „накладку“ „малолѣтамъ“, солдатамъ и даже проживающимъ въ селеніяхъ постороннимъ лицамъ. Напротивъ, старики, платящіе „свою душу“, равно какъ и безподатные или платящіе только податной окладъ сильные, считаются за „полудушки“ и пользуются правомъ на половинное участіе въ сборѣ орѣха.

Въ трехъ общинахъ Нелюбинской волости—*Зоркальцевской, Коломинской* и *Нижне-Петровской*—соотвѣтствіе пользованія сборомъ орѣха размѣрамъ платежей достигается наиболѣе совершеннымъ способомъ—посредствомъ производимаго на время одного сбора передѣла кедровниковъ на душевые участки; передѣлъ производится всегда въ то время, когда орѣхъ уже начинаетъ созрѣвать. Въ с. Зоркальцевомъ кедровникъ разбивается на „пятидушные“ участки; границы послѣднихъ опредѣляются общиною „глазомѣрно“, причемъ принимаются во вниманіе не только размѣры ожидаемаго сбора, но и различныя облегчающія или затрудняющія послѣдній условія; затѣмъ участки разбираются по жребію между „пятка́ми“ (артелями по 5 разверсточныхъ душъ въ каждой), а внутри каждаго „пятка́“ дѣлятся на душевые участки, которые разбираются между участниками по соглашенію или опять-таки по жребію. Жеребьевымъ-же способомъ производится разборъ душевыхъ участковъ въ д. Коломиной и Нижне-Петровой; но здѣсь община нарѣзываетъ—„глазомѣрнымъ“-же порядкомъ—непосредственно душевые уча-

стки, и потомъ каждый изъ послѣднихъ—въ трехъ паяхъ: лучшемъ, среднемъ и худомъ.

Во всѣхъ остальныхъ общинахъ какъ Нелюбинской, такъ и остальныхъ двухъ волостей Томскаго района, гдѣ только существуетъ кедровый промыселъ, соотвѣтствіе сбора орѣховъ платежной раскладкѣ достигается способомъ, который можно обозначить названіемъ способа *регулированнаго захвата.* Община именно назначаетъ, прежде всего, день начала сбора, а затѣмъ—опредѣляетъ число работниковъ, какое каждая раскладочная „душа“ можетъ выпустить на сборъ. На „душу“ всегда полагается одинъ полный работникъ—„лазакъ“, „сбивальщикъ“ или „колотильщикъ“, число же лицъ, занимающихся подъемомъ сбрасываемой этимъ работникомъ шишки, укладкой ея въ мѣшки и т. д., опредѣляется общиною въ зависимости отъ урожая даннаго года: въ огромномъ большинствѣ общинъ при худыхъ урожаяхъ „съ души выходитъ по сбивальщику со сборщикомъ“, при хорошихъ—„сбивальщикъ и два сборщика“. Гдѣ кедровники особенно обширны (напр., въ д. Губиной Нелюбинской волости, Ботьевой Спасской волости), тамъ число вспомогательныхъ работниковъ доходитъ и до трехъ, а иногда къ нимъ присоединяется и четвертый—спеціально для вывозки собраной шишки въ усадьбу*). Когда общиной постановленъ приговоръ о числѣ имѣющихъ выйти съ каждой души на сборъ работниковъ, то каждый общинникъ можетъ распорядиться съ принадлежащимъ ему правомъ на участіе въ сборѣ по своему усмотрѣнію: онъ можетъ произвести сборъ самъ при помощи своихъ домашнихъ; можетъ, если находитъ это болѣе удобнымъ или не имѣетъ въ составѣ своей семьи соотвѣтствующихъ работниковъ, нанять и „сбивальщиковъ“ (или „лазаковъ“); и „сборщиковъ“ **); можетъ, наконецъ, продать свой „душевой пай“, т. е. передать за вознагражденіе свое право выпустить на сборъ установленное общиною число работниковъ другому лицу, хотя-бы и не принадлежащему къ составу общины. Въ назначенный для начала сбора день „сбивальщики“ и „сборщики“ въ числѣ, соотвѣтствующемъ установленной общиною нормѣ, выходятъ на сборъ, который и производится захватнымъ порядкомъ, такъ что количество добытаго на душу орѣха въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ умѣнія выбрать хорошее мѣсто и въ особенности—отъ ловкости „сбивальщика“: „который удалой, говорятъ крестьяне, тотъ вдвое противъ другого сберетъ“,—чѣмъ и объясняется весьма высокій размѣръ (до 5 р. въ день) получаемаго ловкими „сбивальщиками“ при наймѣ вознагражденія.

*) Въ рѣшеніи Спасскаго вол. суда 16. IX. 86, № 26 мы читаемъ относительно сбора шишки въ д. Богьевой въ 1886 г.: „одинъ долженъ лазить на кедры, три человѣка подбирать шишки, а четвертый возить домой“.

**) „Приговоромъ постановленнымъ обществомъ“, читаемъ мы въ томъ-же рѣшеніи, „относительно утвержденнаго имъ порядка для сбора шишекъ сказано (такъ равно и солдаты), должны, которые не лазятъ, вмѣсто себя нанять“.

Подъ понятіе душевого пользованія кедровниками до нѣкоторой степени подходятъ, наконецъ, и тѣ случаи, когда община сдаетъ сборъ плохо родившейся шишки на откупъ, обращая полученныя деньги въ пользу мірскихъ суммъ, чѣмъ соотвѣтственно уменьшается размѣръ относимаго каждою „годною душей“ на мірскіе расходы сбора.

VI.

Въ то время, когда захватно заимочная форма пользованія господствовала по отношенію къ пахатнымъ и сѣнокоснымъ землямъ, дѣйствіе заимочнаго принципа до нѣкоторой степени распространялось и на *пастбища*: каждый заимочникъ имѣлъ право захватить въ свое исключительное пользованіе часть общинныхъ пастбищъ, и отдѣльная поскóтина составляла необходимую составную часть всякой крупной, хорошо устроенной заимки; что касается до скота мелкихъ заимочниковъ и той „бѣдноты“, которая вовсе не имѣла заимокъ, то онъ соединялся въ „общественныя“ стада и пасся частью въ окружающей самое селеніе „деревенской“ поскóтинѣ, частью — но не вошедшимъ въ составъ заимочныхъ поскóтинъ неогороженнымъ пастбищамъ.

Вступивъ въ борьбу съ заимочнымъ пользованіемъ вообще, община, конечно, не могла не отнестись отрицательно и къ заимочному праву на пастбищныя угодья. Крупные заимочники во многихъ общинахъ волостей Чулымскаго района и до сихъ поръ удерживаютъ свои поскóтины въ своемъ исключительномъ пользованіи*), но такого рода случаи въ настоящее время представляютъ собой не общій порядокъ, а злоупотребленіе со стороны богатыхъ мужиковъ, основанное на сознаніи того могущества, которое имъ даетъ ихъ богатство. Общины борются противъ отдѣльныхъ заимочныхъ поскóтинъ прямыми запрещеніями, а въ случаѣ ослушанія иногда—если только богачи „не взяли засилія“ въ общинныхъ дѣлахъ—прибѣгаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ; такъ въ рѣшеніи Ишимскаго волостного суда отъ 8 октября 1886 г. за № 55 мы находимъ указаніе на случай, когда отдѣльная поскóтина одного крестьянина „была разобрана обществомъ крестьянъ с. Ишимскаго, какъ самовольно имъ загороженная“, и волостной судъ, отказавъ владѣльцу поскóтины въ искѣ противъ лицъ, явившихся исполнителями рѣшенія общины, тѣмъ самымъ призналъ неосновательность заимочной претензіи.

Какъ-бы то ни было, заимочныя поскóтины въ волостяхъ Чулымскаго района доживаютъ свои послѣдніе дни; въ Томскомъ онѣ- если вообще когда-либо существовали—исчезли очень давно, и типическою формою пользованія по отношенію къ пастбищнымъ угодьямъ является форма *вольнаго*

*) Такъ въ д. Турунтаевой (Семил. вол.) отдѣльныя поскотины имѣютъ четыре хозяина, въ д. Мало-Жировой (Ишим. вол.) - одинъ, въ с. Жарковскомъ (Ишим. вол.)—трое и т. д.

пользованія, при которой *ни одинъ общинникъ не имѣетъ права на захватъ какой-либо части общинныхъ пастбищъ въ свое исключительное пользованіе, но каждый имѣетъ право выпускать на общинныя пастбища*, въ установленномъ общиною порядкѣ, *все имѣющееся у него количество скота*. Самый порядокъ выпаса скота не вездѣ одинаковъ*). Вездѣ, правда, (кромѣ только трехъ лежащихъ на правомъ берегу Томи селеній Нелюбинской волости) вокругъ селеній загорожены „домашніе“ выгоны—поскóтины, которыя „запираются“ со времени всхода травъ (конецъ мая) и до окончанія уборки хлѣбовъ (1—15 сентября). Но по отношенію къ размѣрамъ и значенію поскóтинъ замѣчается существенное различіе между Спасскою и Семилужною волостями, съ одной стороны, и остальными пятью волостями изслѣдованнаго края, съ другой. Въ первыхъ двухъ поскóтины довольно обширны и въ теченіе всего лѣта (съ конца мая до начала сентября) служатъ единственнымъ выпасомъ для всего крестьянскаго скота. Въ Нелюбинской волости и въ четырехъ волостяхъ Чулымскаго района поскóтины очень не велики и составляютъ лишь небольшую часть общаго количества состоящихъ въ пользованіи той или другой общины пастбищъ; въ нихъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ пасутся лошади, маленькія телята и—гдѣ есть—свиньи; весь остальной скотъ состоитъ подъ надзоромъ пастуховъ и пасется внѣ поскóтины: въ нѣсколькихъ общинахъ Нелюбинской волости—на особо отведенныхъ подъ пастбище, хотя и не огороженныхъ, сплошныхъ пространствахъ, въ остальныхъ общинахъ этой волости и во всемъ Чулымскомъ районѣ—„гдѣ попало“, по всему протяженію землепользованія даннаго селенія, вездѣ выбирая участки, не засѣянные хлѣбомъ и не предназначенные общиной или отдѣльными общинниками подъ сѣнокосъ. Осенью поскóтины отпираются, и весь скотъ пасется по жнивамъ, отавамъ и вообще по неогороженнымъ пастбищамъ: рогатый скотъ и овцы—„за пастухами“, лошади—„на волѣ“, при чемъ по отношенію къ выпасу скота въ это время границы поселенныхъ землевладѣній утрачиваютъ свое значеніе: „весь скотъ, читаемъ мы въ одномъ рѣшеніи Спасскаго волостного суда**), въ это время „пасется на полѣ, переходя изъ одной деревни въ другую“; это продолжается до времени выпаденія снѣга: „по заведенному въ здѣшней мѣстности обычаю, читаемъ мы въ другомъ рѣшеніи***), весь скотъ, находящійся въ полѣ, загоняется во дворы, какъ только выпадетъ снѣгъ, и съ того времени по волѣ скотъ не пускается, потому что крестьяне возятъ хлѣбъ и сѣно съ полей (и) разгораживаютъ остожья“. Пока не выпалъ снѣгъ, лошади, хотя никому и неизвѣстныя, пасутся совершенно свободно; какъ только снѣгъ

*) Объ этомъ подробнѣе см. „Зап.-Сиб. Матеріалы“. Вып. XIV, стр. 364. и сл.
**) 2. XII. 85, № 50.
***) 7. XI. 84, № 38.

выпалъ, „пришатившіяся“, неизвѣстно кому принадлежащія лошади признаются пригульными и, по заявкѣ объ нихъ волостному правленію, остаются, впредь до востребованія владѣльцами, во временномъ пользованіи поймавшихъ ихъ: „пригульныя лошади есть тѣ, которыя по собраніи съ поля скота останутся неизвѣстными“.

Право пользованія общинными пастбищами не находится, вообще говоря, ни въ какомъ соотвѣтствіи съ платежною раскладкой. Какъ мы уже говорили, количество скота, которое каждый общинникъ можетъ выпустить на пастбище, не подвержено никакому ограниченію; полная свобода простирается до того, что въ Чулымскомъ районѣ, „мясники“—торговцы скотомъ—безпрепятственно пасутъ на общинныхъ угодьяхъ даже купленный съ коммерческою цѣлью—„наборный“ скотъ; общины допускаютъ это, очевидно, въ виду чрезвычайнаго изобилія въ этомъ районѣ пастбищныхъ угодій, благодаря которому совершенно неограниченное вольное пользованіе можетъ продолжать существовать, не нарушая чьихъ-бы то ни было интересовъ.

Право пользованія общинными пастбищами обусловливается—и то, впрочемъ, не вездѣ и не въ полной мѣрѣ—участіемъ въ отбываніи одной спеціальной повинности—городьбы поскóтинъ. Въ Чулымскомъ районѣ эта повинность вездѣ раскладывается на скотъ, принадлежащій какъ общинникамъ, такъ и живущимъ въ селеніяхъ постороннимъ лицамъ; при этомъ однѣ общины производятъ раскладку городьбы на весь крупный скотъ, другія—только на лошадей; въ Томскомъ районѣ порядокъ раскладки по скоту постепенно вытѣсняется другимъ, душевымъ порядкомъ: въ довольно многихъ общинахъ городьбу продолжаютъ раскладывать по скоту, но есть уже довольно много такихъ общинъ, которыя оставили этотъ способъ раскладки и раскладываютъ городьбу по душамъ;—есть и такія, гдѣ раскладка производится смѣшаннымъ способомъ: на каждую душу назначается опредѣленное число саженъ городьбы, а остатокъ раскладывается поровну на весь крупный скотъ или на лошадей.

Устройство городьбы въ значительной мѣрѣ зависитъ, съ одной стороны, отъ рода содержимаго крестьянами скота и организаціи надзора за нимъ, съ другой—отъ мѣстоположенія поскóтины по отношенію къ другимъ видамъ общинныхъ угодій. Въ Томскомъ районѣ, гдѣ почти не держатъ свиней, а овцы и во время пребыванія въ поскóтинѣ состоятъ „за пастухами“, нѣтъ надобности въ особенно частой городьбѣ, а потому здѣсь городятъ „отъ лошадей“—въ 5—6 жердей, заботясь не столько о густотѣ, сколько о крѣпости городьбы. Въ Чулымскомъ районѣ свиней держатъ довольно много; поэтому гдѣ пахатныя поля близко подходятъ къ усадьбамъ, тамъ поскóтины городятся „отъ свиней“—въ 8 9 и даже 10 горизонтальныхъ жердей; гдѣ пашни расположены въ удаленныхъ отъ усадебъ урочищахъ, и потому опас-

ность потравы свиньями незначительна,—тамъ тоже городятъ „отъ лошадей“, не болѣе чѣмъ въ 5 или 6 жердей.

За исправностью поскóтинныхъ изгородей существуетъ въ большинствѣ общинъ изслѣдованнаго края лишь весьма слабый надзоръ: „общество“ обходитъ весной всю городьбу и указываетъ тѣ мѣста, которыя по своей ветхости и т. п. требуютъ ремонта. За исполненіемъ указаній „общества“ въ большинствѣ случаетъ нѣтъ никакого наблюденія,—но, несмотря на это, изгороди вездѣ содержатся весьма удовлетворительно. Стимуломъ, побуждающимъ крестьянъ заботиться объ исправномъ состояніи изгородей, является существующій въ изслѣдованномъ краѣ порядокъ отвѣтственности за *потравы*: если только установлено, что потрава произведена скотомъ, вышедшимъ изъ поскóтины, и выяснено, что этотъ скотъ прошелъ въ поле черезъ неисправную городьбу, то вся отвѣтственность за потраву возлагается на лицо, обязанное содержаніемъ этой городьбы и совершенно снимается съ владѣльцевъ скота; для волостного суда достаточно знать, что потрава совершена „лошадьми, вышедшими въ поле черезъ огородъ поскóтины, принадлежащій крестьянину И. В. Болтовскому“ (рѣш. Спасскаго вол. суда 2. 87, № 44), „скотомъ, вышедшимъ изъ поскóтины черезъ неисправную городьбу, принадлежащую крестьянину К. Аксенову“ (то-же 17. VIII. 87, № 52); что „крестьянинъ С. Ананьевъ за лѣностью своею и нерадѣніемъ огородить поскотину, принадлежащую къ раздѣлу на его душу, черезъ что произошла потрава выходомъ лошадей въ поскóтину“ (то же 16. IX. 82, № 26); что „лошади, потравившія овесъ у Стулова, зашли черезъ поскотину посредствомъ изломанной городьбы въ одномъ мѣстѣ на разстояніи 2 саженъ, принадлежащей рядовому Ермину“ (то-же 1. IX. 85, № 42); что, истецъ Ульяновскій не осмотрѣлъ поскотины крестьянина Золотарева, за коего поручился уплачивать подати и отбывать общественныя повинности“ (рѣш. Ишимскаго вол. суда 10. III. 86, № 16),—чтобы признать Болтовскаго, Аксена Ананьева, Ермина, Ульяновскаго единственно отвѣтственными за потраву и даже не освѣдомляться о владѣльцахъ произведшаго потраву скота, о которыхъ въ цитированныхъ рѣшеніяхъ даже не упоминается. Мы имѣемъ указанія на одинъ случай, когда крестьянинъ, уплатившій деньги за сдѣланную его лошадьми потраву, затѣмъ обращается съ обратнымъ требованіемъ къ владѣльцамъ „худой поскотины“, черезъ которую прошли его лошади; судъ призналъ, что истецъ потерпѣлъ убытокъ по винѣ отвѣтчиковъ, и потому опредѣлилъ взыскать съ послѣднихъ въ пользу перваго всю уплаченную имъ за потраву сумму (рѣш. Ишимскаго вол. суда 21. IX. 88, № 57). Отвѣтственность за потраву, произведенную содержащимся въ поскотинѣ скотомъ, благодаря неисправности городьбы, снимается съ владѣльца послѣдней только въ одномъ случаѣ: именно, если общиною избранъ, какъ это дѣлается

въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Чулымскаго района, особый „поскóтинный староста“; на послѣдняго возлагается непрерывный надзоръ за исправностью городьбы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность за всѣ потравы, могущія явиться слѣдствіемъ ея неисправности. Такъ, Ишимскій волостной судъ возложилъ отвѣтственность за одну потраву на „поскóтиннаго старосту“ д. Медвѣдчиковой, Алькова; напрасно Альковъ пытался снять съ себя отвѣтственность, объясняя, „что разгороженная поскóтина, куда прошли лошади, обществомъ осталась нераздѣленной, такъ что некому было ее исправлять, почему и уплачивать за потраву онъ не считаетъ себя обязаннымъ“. Судъ не призналъ этихъ объясненій уважительными; онъ нашелъ, что „поскóтиный староста долженъ былъ-бы наблюдать за исправностью поскóтины и, если-бы она оказалась худая, онъ долженъ распорядиться исправленіемъ таковой“ (очевидно, посредствомъ наряда общественниковъ или найма за счетъ общественныхъ суммъ)—почему и постановилъ: взыскать съ него слѣдовавшую за потраву сумму. Что́ касается до владѣльцевъ скота, произведшаго потраву, то на нихъ отвѣтственность возлагается, сколько можно судить по записаннымъ въ книги рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, очень рѣдко, и то—не въ полномъ размѣрѣ: мы имѣемъ, напр., рѣшеніе Спасскаго вол. суда отъ 15 сентября 1889 г. за № 62, коимъ постановляется „за потраву овса взыскать съ крестьянъ: съ Варлама приходится, какъ пустившаго въ худую поскотину своихъ лошадей, восемь руб.; съ остальныхъ—по 1 руб. 50 коп. съ каждой лошади, всего 16 руб. 50 коп., а остальныя 5 р. 50 к. съ Любовича“ (владѣльца оказавшейся сломанною городьбы). Другимъ рѣшеніемъ (3. IX. 89, № 61) постановлено: „половину слѣдующей за потраву суммы, 11 руб. 75 коп., взыскать съ 5 человѣкъ, у которыхъ поскóтина оказалась изломанною, половину—11 руб. 75 к., съ хозяевъ лошадей“. Къ сожалѣнію, нѣкоторая неполнота разспросныхъ данныхъ не позволяетъ намъ выяснить истиннаго характера приведенныхъ двухъ случаевъ: идетъ-ли здѣсь рѣчь о потравахъ, причиненныхъ при полной исправности городьбы жеребцомъ „ломуномъ“ или „скакалемъ“ (за такія потравы въ Тобольской губерніи владѣлецъ изломанной городьбы вовсе не отвѣчаетъ*), или же эти два рѣшенія являются симптомами—какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной части Тобольской губерніи**)—упадка общиннаго духа и неспособности общины настоять на исправной городьбѣ поскóтинъ и заставить виновныхъ въ ея неисправности всецѣло нести на себѣ послѣдствія этой послѣдней. Въ пользу перваго предположенія говоритъ усиленное взысканіе, наложенное въ первомъ изъ приведенныхъ рѣшеній, на владѣльца одной изъ лошадей („ломуна“?); въ пользу второго,— то обстоятельство, что оба рѣшенія постановлены въ

*) См. „Зап.-Сиб. матеріалы“. Вып. XI, стр. 72.
**) См. „Зап.-Сиб. Матеріалы“, Вып. III, стр. 308.

1889 году, между тѣмъ какъ бо́льшая часть рѣшеній, возлагающихъ всю отвѣтственность на владѣльцевъ изгородей, относится къ болѣе раннимъ годамъ. Мы думаемъ, однако, что первое предположеніе болѣе основательно; мы думаемъ это, во-первыхъ, потому, что различіе въ отвѣтственности между двумя видами потравъ (потравы благодаря неисправности городьбы и потравы „ломунами“) вполнѣ соотвѣтствуетъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Тобольской губерніи; и во-вторыхъ—потому, что ни на чемъ другомъ мы не замѣчали въ изслѣдованномъ краѣ ослабленія общиннаго духа: напротивъ, существующія въ Спасской волости (къ которой относятся приведенныя рѣшенія) порядки пользованія лѣсами и кедровниками свидѣтельствуютъ, что община здѣсь весьма сильна и не проявляетъ никакихъ признаковъ упадка.

Что́ касается затѣмъ до скота, въ лѣтнее время пасущагося внѣ поско́тины подъ надзоромъ пастуховъ, то отвѣтственность за произведенныя имъ потравы всецѣло ложится на этихъ послѣднихъ; изслѣдователю, впрочемъ, совершенно не приходилось слышать о случаяхъ потравъ, произведенныхъ „пастушными“ стадами; да это и вполнѣ понятно, такъ какъ пастухи, подъ страхомъ денежной отвѣтственности, конечно, дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы не допускать скота до потравъ. И, наконецъ, весной, до „запора поско́тины“, и осенью, съ „отпора“ ея и до снѣга, вопросъ объ отвѣтственности за потраву совершенно не существуетъ: весной—потому, что въ это время „травить нечего“—скотъ ходитъ на волѣ внѣ поско́тины только до тѣхъ поръ, пока онъ, по мнѣнію крестьянъ, не можетъ вредить ни всходамъ озимей, ни травамъ; осенью—потому, что ко времени отпора поско́тины не только заканчивается уборка хлѣбовъ и травъ, но сѣно и скирды должны быть огорожены на столько крѣпко, чтобы сдѣлать всякое поврежденіе скотомъ невозможнымъ; если, несмотря на это, случается поврежденіе стоговъ и кладей, то оно приписывается неисправности остожья и возлагается на отвѣтственность самого пострадавшаго владѣльца сѣна или хлѣба; владѣльцы скота отвѣчаютъ за потраву только въ томъ случаѣ, если потрава является послѣдствіемъ злого съ ихъ стороны умысла*).

Нѣсколько особое положеніе по отношенію къ вопросу о потравахъ занимаютъ свиньи. Благодаря своей „покостливости“ и способности пробираться и сквозь очень крѣпкія изгороди, эти животныя требуютъ со стороны хозяевъ особаго надзора или мѣръ, способныхъ лишить ихъ возможности производить потравы: хозяинъ, предупрежденный о томъ, что свиньи его „повадились“ ходить въ чужой хлѣбъ или огородъ, долженъ либо держать ихъ

*) Въ одномъ заявленіи, имѣющемся въ дѣлѣ Семилужнаго вол. суда 1887 г., мы находимъ указаніе на одного зажиточнаго крестьянина с. Семилужнаго, А. Ершунока, который „имѣетъ болѣе 50 штукъ скота, никогда не хватаетъ у него на зиму корма, онъ выпускаетъ ихъ до растаянія снѣга на полѣ и самъ ѣздитъ разгораживать чужія остожья съ хлѣбомъ или сѣномъ“.

„взаперти“, либо одѣть на нихъ „вилки“ (иначе „рога“),—приспособленія, лишающія ихъ возможности пролѣзать сквозь изгороди; если онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, то—какъ можно заключить изъ приведенныхъ въ приложеніи рѣшеній волостного суда (Спасск. 16. IX. 87, № 66 и 16. X. 87, № 80)—на него всецѣло падаетъ отвѣтственность за произведенныя свиньями потравы.

Тѣ-же два рѣшенія бросаютъ свѣтъ еще на одну существенную сторону вопроса: они показываютъ, что волостной судъ не допускаетъ со стороны страдающихъ отъ потравъ хозяевъ самоуправства, выражающагося въ убіеніи „повадившихся“ производить потравы свиней: въ обоихъ рѣшеніяхъ судъ, признавая за пострадавшимъ право на вознагражденіе со стороны владѣльца свиней, въ то-же время заставляетъ его заплатить этому послѣднему за убитыхъ свиней, не выходя, впрочемъ, изъ предѣловъ гражданской отвѣтственности за убытокъ.

По отношенію къ *усадебнымъ землямъ* въ изслѣдованномъ краѣ существуетъ троякій порядокъ пользованія. Съ одной стороны—владѣніе усадьбами по старымъ „занятіямъ“, расположеннымъ безъ всякаго порядка и не находящимся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ платежными общинными раскладками, а состоящимъ въ заимочно-наслѣдственномъ пользованіи отдѣльныхъ общинниковъ; вновь образующіеся дворы въ селеніяхъ, пользующихся достаточнымъ просторомъ, сами захватываютъ себѣ землю подъ усадьбу, гдѣ „потѣснѣе“, - обращаются за усадебной землей къ обществу, которое либо „сажаетъ“ ихъ къ отцовской усадьбѣ, либо отводитъ мѣсто, освободившееся за убылью какого-либо двора, либо, наконецъ, прирѣзываютъ усадебное мѣсто изъ поскотинной земли. Съ другой стороны, въ рядѣ селеній (по преимуществу трактовыхъ) усадебная осѣдлость уже подверглась распланированію; всѣ дворы размѣщены на отведенныхъ имъ по плану мѣстахъ, а вновь образующіеся дворы садятся на приготовленные при распланированіи запасные участки. И, наконецъ, во многихъ селеніяхъ распланированіе усадебной земли хотя и произведено, но усадьбы остались по старымъ „занятіямъ“, и только вновь строющіеся дворы водворяются на обмежеванныхъ при распланированіи участкахъ. Власть общины надъ усадебной землей во всѣхъ трехъ случаяхъ крайне ограничена и сводится не болѣе, какъ къ праву распоряженія еще незанятыми никѣмъ (и не предназначенными никому по распланированію) землями и къ отводу изъ нихъ усадебной осѣдлости прибылымъ дворамъ. Разъ усадьба кѣмъ-либо занята, община уже „не вступается“ въ нее и только косвеннымъ образомъ можетъ побуждать къ дробленію слишкомъ крупныхъ усадебъ: она отказываетъ въ отводѣ новыхъ усадебъ вновь образующимся дворамъ, выдѣляющимся отъ дворовъ, владѣющихъ большими усадьбами, и заставляетъ ихъ приселяться къ „отцовскимъ“ усадьбамъ. Что

касается затѣмъ до права отчужденія усадебныхъ земель, то по этому вопросу мы не имѣемъ данныхъ: намъ встрѣтилось, правда, нѣсколько случаевъ продажи постороннимъ лицамъ усадебныхъ земель, но у насъ нѣтъ указаній, произведены-ли были эти продажи самовольно или съ разрѣшенія общины.

Огороды, какъ и усадьбы, сколько намъ извѣстно, вездѣ состоятъ въ заимочно-наслѣдственномъ пользованіи. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ пригороднаго района, гдѣ огородничество играетъ въ экономической жизни населенія большую роль, гдѣ огороды очень обширны и даютъ болѣе или менѣе значительный рентный доходъ,—гдѣ поэтому можно было-бы ожидать встрѣтиться по отношенію къ нимъ съ тѣми или иными формами душевого пользованія, переходъ къ этому послѣднему еще не начинался, и огороды по прежнему состоятъ въ заимочномъ владѣніи; власть общины, какъ и по отношенію къ усадьбамъ проявляется только въ отводѣ свободной земли подъ огороды вновь образующимся домохозяйствамъ.

По отношенію къ *пасѣкамъ* захватно-заимочное владѣніе сохранилось до сихъ поръ въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оно встарину существовало по отношенію ко всѣмъ вообще угодьямъ. Это и вполнѣ понятно: пасѣки занимаютъ мало мѣста и всегда устраиваются гдѣ-нибудь на окраинѣ тайги, въ глухомъ мѣстѣ, не могущемъ служить ни для кого ни покосомъ, ни пашней, а потому могутъ безпрепятственно существовать, не причиняя никакого ущерба интересамъ земледѣльческо-скотоводческой массы населенія,— на лицо имѣется, слѣдовательно, важнѣйшее условіе, обезпечивающее возможность существованія захватно-заимочнаго владѣнія. Соотвѣтственно этому занятіе мѣстъ подъ пасѣки предоставляется не ограничиваемому вмѣшательствомъ общины усмотрѣнію отдѣльныхъ общинниковъ; разъ устроенная пасѣка передается по наслѣдству, продается и т. д., словомъ является въ полной мѣрѣ предметомъ гражданскаго оборота.— Устройство пасѣкъ подчиняется только одному ограниченію, съ необходимостью вытекающему изъ потребностей пчеловоднаго хозяйства: вновь устраиваемая пасѣка не должна быть расположена слишкомъ близко отъ уже существующихъ пасѣкъ, такъ какъ при чрезмѣрномъ сближеніи пасѣкъ болѣе сильная пчела легко можетъ уничтожить болѣе слабую. Но и за соблюденіемъ этого ограниченія община совершенно не слѣдитъ, предоставляя это иниціативѣ отдѣльныхъ заинтересованныхъ лицъ и волостному суду: мы имѣемъ одно относящееся сюда рѣшеніе Ишимскаго вол. суда (4. XI. 85, № 80), по обоюднымъ жалобамъ крестьянъ д. Медвѣдчиковой—Никулина и Медвѣдева, „въ которыхъ они жалуются, первый—Медвѣдевъ, что его пчелу истребляетъ пчела Никулина, а Никулинъ жалуется наоборотъ, что пчела Медвѣдева истребляетъ его пчелу“; судъ по бездоказательности отказалъ обоимъ въ ихъ искахъ, но въ то-же время по собственной иниціативѣ постановилъ: „обязать

Никулина, чтобы онъ пасѣку свою, устроенную послѣ Медвѣдева и въ очень близкомъ разстояніи, перенесъ въ другое болѣе отдаленное мѣсто, дабы между ними не происходило никакихъ пререканій". До какого обостренія отношеній можетъ довести близость двухъ пасѣкъ, видно изъ другого рѣшенія (Спасскаго вол. суда 1. VII. 88, № 29) по дѣлу о „замореніи пчелы сѣрою": обвинитель пояснилъ суду, что „подозрѣнія имѣетъ въ замореніи пчелы на крестьянина Р. Евстигнѣева потому, что Евстигнѣеву непріятно, что онъ имѣетъ пасѣку отъ его пасѣки въ 2 верстахъ".

Въ захватно-заимочномъ владѣніи состоятъ и устраиваемыя общинниками на протекающихъ по общинной территоріи водахъ *мельницы*: каждый общинникъ имѣетъ право устроить мельницу,—право, ограниченное лишь постольку, поскольку устройство мельницы могло-бы повести къ нарушенію интересовъ владѣльцевъ ранѣе устроенныхъ мельницъ. Разъ устроенная мельница передается по наслѣдству, можетъ отчуждаться цѣликомъ или частями, и только нѣкоторыя общины взимаютъ съ болѣе доходныхъ мельницъ небольшой сборъ въ размѣрѣ 3—5 рублей въ годъ. Общинныхъ мельницъ въ изслѣдованномъ краѣ нѣтъ.

Владѣльцы мельницъ иногда—какъ видно изъ помѣщеннаго въ приложеніи рѣшенія Спасскаго волостного суда отъ 11 Іюня 1887 г. за № 42—присваиваютъ себѣ исключительное право на ловлю рыбы въ мельничныхъ прудахъ, прибѣгая даже къ отнятію рыболовныхъ снарядовъ у лицъ, посягающихъ на это ихъ мнимое право; но общины, а за ними и волостной судъ—не признаютъ этихъ притязаній и приравниваютъ мельничные пруды по отношенію къ ловлѣ рыбы ко всѣмъ другимъ протекающимъ въ сферѣ пользованія общины водамъ.

Рыболовныя угодья во всѣхъ общинахъ, имѣющихъ такія угодья, состоятъ въ вольномъ пользованіи. Право ловли рыбы принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ каждому общиннику или постороннему лицу, платящему мірскіе сборы, а размѣры пользованія этимъ правомъ не находятся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ платежною раскладкой; попытокъ организаціи рыболовнаго промысла на началахъ общины-артели въ изслѣдованномъ краѣ не было.

И, наконецъ, общинныя *каменоломни* (въ Спасской и Семилужной волостяхъ) состоятъ въ вольномъ пользованіи всѣхъ общинниковъ: каждый изъ нихъ можетъ производить ломку камня въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ размѣрѣ, при чемъ каждая устроенная для добычи камня яма въ силу права затраченнаго труда считается принадлежащею исключительно тому, кто ее устраивалъ.—Съ постороннихъ лицъ общины за право ломки камня берутъ посаженную пошлину.

VII.

По первоначально намѣченному плану мы предполагали представить въ настоящемъ очеркѣ картину не только земельныхъ, но и раскладочныхъ порядковъ изслѣдованныхъ нами семи волостей Томскаго и Маріинскаго округовъ. Но очеркъ этотъ и безъ того достигъ слишкомъ большихъ размѣровъ; поэтому, не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе податныхъ раскладокъ описываемой мѣстности, мы ограничимся лишь самою общею характеристикою этихъ раскладокъ,—обзоромъ лежащихъ въ основаніи ихъ общихъ началъ *).

Какъ и вездѣ, раскладочные порядки изслѣдованнаго края находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ общихъ экономическихъ условій крестьянской жизни и въ частности—отъ характера крестьянскаго землевладѣнія. Между тѣмъ, за исключеніемъ небольшой области, охватывающей ближайшую къ городу сѣверную окраину Спасской волости и характеризуемой, съ одной стороны, господствомъ по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ угодій душевого способа пользованія, съ другой—довольно высокою рентною доходностью этихъ угодій,—весь изслѣдованный край по отношенію къ разсматриваемому вопросу поставленъ въ болѣе или менѣе однородныя условія: за исключеніемъ части поемныхъ луговъ, всѣ угодья состоятъ либо въ захватно-заимочномъ, либо въ вольномъ пользованіи, размѣры котораго для каждаго отдѣльнаго двора не находятся рѣшительно ни въ какой зависимости отъ количества лежащихъ на немъ платежей; *платежная душа не является въ то-же время и земельною душой* и, слѣдовательно, лежащая на ней болѣе или менѣе тяжелая *обязанность платежа разныхъ сборовъ и отбыванія повинностей не уравновѣшивается*, какъ бываетъ при душевомъ пользованіи, *какими-либо цѣнными правами*, принадлежащими плательщику преимущественно передъ неплательщикомъ и пропорціональными въ своихъ размѣрахъ размѣрамъ душевыхъ платежей. Въ противуположность возможному при душевомъ пользованіи и достаточно высокой рентной цѣнности угодій способу раскладки по началу добровольнаго самообложенія, *раскладки въ изслѣдованномъ краѣ имѣютъ исключительно тягловой характеръ:* зная, что лишняя платежная душа не прибавитъ ему ни одной пяди земли, которой онъ не могъ-бы, если „хватаетъ силы“, захватить и безъ того, каждый общинникъ, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы нести какъ можно меньше раскладочныхъ душъ. Самыми удобными для обложенія объектами при такихъ условіяхъ являются: либо *рабочая сила* населенія, либо *благосостояніе* въ той мѣрѣ, въ какой оно выражается въ

*) Подробности см. въ „Зап.-Сиб. Матеріалахъ“. Вып. XVIII, стр. 368—397.

размѣрахъ пользованія общинными угодьями. Но есть еще и третій объектъ, не имѣющій, въ сущности, никакого реальнаго значенія и сложившійся исторически,—это *ревизская душа*.

Размѣръ лежащаго на населеніи каждой волости и каждаго отдѣльнаго поселка оклада податей опредѣляется, какъ извѣстно, числомъ душъ, значащихся въ волости или въ поселкѣ по сказкамъ послѣдней—въ настоящее время X-ревизіи. Прежде, когда ревизіи слѣдовали одна за другою черезъ короткіе промежутки времени, тѣ же *ревизскія сказки* являлись единственнымъ основаніемъ и для внутренней раскладки окладныхъ сборовъ въ каждомъ обществѣ и поселкѣ: каждый дворъ платилъ подати за тѣ души, которыя значились въ его составѣ по ревизской сказкѣ,—платилъ независимо отъ какого-либо увеличенія или сокращенія его наличнаго состава; только если дворъ окончательно вымиралъ, его души дѣлались „упалыми“, и причитающійся съ нихъ окладъ разверстывался между оставшимися въ живыхъ ревизскими плательщиками. По отношенію къ волостнымъ и сельскимъ сборамъ и натуральнымъ повинностямъ уже тогда существовалъ принципъ разверстки по работникамъ, но въ связи съ тѣмъ-же ревизскимъ принципомъ: сборы и повинности клались на *ревизскихъ работниковъ*, т. е. на лицъ, внесенныхъ въ ревизскія сказки и не перешагнувшихъ извѣстнаго предѣльнаго возраста. Понятны неудобства, связанныя съ такого рода порядками; понятно также, что неудобства эти должны были все болѣе обостряться съ каждымъ протекшимъ со времени ревизіи годомъ. Возможный при 10—15 лѣтнихъ срокахъ возобновленія ревизій, ревизскій порядокъ раскладки сдѣлался совершенно невозможнымъ, когда со времени X ревизіи распространился на 20, 25 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе онъ держался, такъ какъ крестьяне вѣрили въ *обязательность* ревизскихъ сказокъ, какъ руководящаго при внутренней раскладкѣ податей начала, и думали, что всякій вписанный въ сказки общинникъ *обязанъ* платить подати до самой своей смерти, а не записанный *не можетъ* быть обложенъ до наступленія слѣдующей ревизіи,—и только послѣдовавшимъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ разъясненіямъ со стороны мѣстнаго начальства удалось поколебать эту вѣру, да и то—удалось не вполнѣ. И до настоящаго времени *начало обложенія рабочей силы, несомнѣнно доминирующее теперь въ раскладочныхъ порядкахъ изслѣдованнаго края, еще не окончательно вытѣснило ревизскій принципъ; картину борьбы между тѣмъ и другимъ и постепеннаго вытѣсненія ревизской раскладки раскладкою трудовою представляютъ собой тѣ порядки, которые мы описывали на предыдущихъ страницахъ*. Первымъ шагомъ въ этомъ смыслѣ всегда являлось привлеченіе къ раскладкѣ податей подрастающаго поколѣнія—„малолѣтковъ“, „заревизныхъ“—и исключеніе стариковъ изъ круговой отвѣтственности за „убылыя“,

не замѣщенныя „малолѣтами“ души; въ большинствѣ общинъ изслѣдованнаго края дѣло на этомъ остановилось и, какъ на болѣе высокую ступень развитія раскладочныхъ порядковъ, можно только указать на установленіе довольно многими общинами для младшихъ подростковъ уменьшенныхъ окладовъ, болѣе соотвѣтствующихъ ихъ еще неполной рабочей способности. Другія общины пошли дальше и установили промежуточную группу плательщиковъ и на другомъ концѣ раскладочной лѣстницы: это „престарѣлыя“, „среднія“ души, обыкновенно съ 55 до 60 лѣтняго возраста, только еще начинающія утрачивать рабочую способность, и потому облагаемыя хотя и въ низшемъ размѣрѣ, нежели „годныя души“, но въ высшемъ, нежели „старики“. Большинство общинъ не идетъ дальше этого: оно не рѣшается совершенно отречься отъ ревизскаго начала и ограничить обложеніе одними способными къ труду; исключеніе „ревизскихъ стариковъ“ изъ оклада допускается—и то не вездѣ – только по отношенію къ совершенно дряхлымъ старикамъ, по отношенію къ какимъ оно допускалось и ранѣе—въ эпоху полнаго господства ревизской раскладки. Въ сравнительно немногихъ общинахъ—главнымъ образомъ въ Почитанской волости—ревизскій принципъ можетъ быть признанъ окончательно вытѣсненнымъ: здѣсь существуетъ разрядъ „годныхъ“ работниковъ, заключающій въ себѣ обыкновенно всѣхъ лицъ съ 17—18 до 60 лѣтняго возраста, въ полной мѣрѣ участвующихъ въ раскладкѣ всѣхъ сборовъ и повинностей; затѣмъ тамъ, гдѣ раскладочные порядки достигли высшей степени развитія, существуютъ, иногда порознь, иногда вмѣстѣ, двѣ группы неполныхъ работниковъ—съ одной стороны „малолѣтки“, съ другой—пожилые, еще не вполнѣ утратившіе способность къ труду; тѣ и другіе платятъ уменьшенный окладъ податей и не участвуютъ или въ малой мѣрѣ участвуютъ въ отбываніи натуральныхъ повинностей; старики, перешедшіе опредѣленный предѣльный возрастъ, совершенно освобождаются отъ платежей и „принимаются на общественный раскладъ“; въ Почитанской волости успѣхи трудового начала раскладки зашли такъ далеко, что даже волостной сходъ производитъ развертку между селеніями по „годнымъ работникамъ“, чѣмъ, собственно говоря, уже выходитъ изъ предѣловъ своихъ полномочій.

Что касается до имущественнаго начала, то оно въ настоящее время можетъ быть признано играющимъ господствующую роль только по отношенію къ проживающимъ въ селеніяхъ постороннимъ лицамъ—„разночинцамъ“ и—въ нѣсколько меньшей мѣрѣ—къ лицамъ, хотя и принадлежащимъ къ составу обществъ, но по тѣмъ или другимъ причинамъ занимающимъ въ сравненіи съ крестьянами болѣе или менѣе обособленное положеніе: ссыльнымъ, солдатамъ и т. п.

Обложеніе *„разночинцевъ“*, какъ прямо высказано въ довольно многихъ раскладочныхъ приговорахъ, основывается главнымъ образомъ на фактѣ поль-

зованія крестьянскими угодьями: облагаютъ „разночинцевъ“, „жительствующихъ домообзаводствомъ, скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ... и пользующихся всѣми угодьями“; у „разночинцевъ“, какъ лицъ, не принадлежащихъ къ составу обществъ, не подлежитъ обложенію ни „душа“, ни рабочая сила; община беретъ съ нихъ сборы только за то, что они пользуются общинными угодьями,—понятно, что и размѣры сборовъ должны быть пропорціональны размѣрамъ пользованія этими угодьями, а слѣдовательно болѣе или менѣе—и степени ихъ общаго благосостоянія. Поэтому-то въ сравнительно рѣдкихъ только случаяхъ „разночинцы“ облагаются „полудушкомъ“ или „поборомъ на душу“ и т. п.; обычный же способъ обложенія ихъ—это „накладки по состоянію“, въ размѣрѣ, установляемомъ общиною „на глазомѣръ“ и колеблющемся нерѣдко въ такихъ широкихъ предѣлахъ, какъ 3—5 р. съ одной стороны и 30, 40 и до 50 р. въ годъ съ другой.

Въ нѣсколько меньшей мѣрѣ имущественный принципъ обложенія господствуетъ по отношенію къ *ссыльнымъ* и *солдатамъ*: община не вполнѣ убѣждена, прежде всего, въ своемъ правѣ подвергать ихъ личному обложенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не считаетъ себя обязанною даромъ давать имъ пользоваться своими угодьями; независимо отъ этого, она по отношенію къ этого рода лицамъ исходитъ изъ того соображенія, что „у кого ничего нѣтъ, съ того ничего не возьмешь“,—и обѣ эти причины одинаково ведутъ къ установленію по отношенію къ этимъ категоріямъ лицъ обложенія по благосостоянію. Особенно мало связаны съ общиной ссыльные; соотвѣтственно этому, по отношенію къ нимъ, равномѣрное обложеніе „полудушками“ и т. п. встрѣчается въ видѣ рѣдкаго исключенія; обыкновено же тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ „домообзаводство и хлѣбопашество“ облагаются „накладками“ по состоянію, бездомные же и безхозяйные остаются свободными отъ всякихъ платежей. Община, далѣе, не имѣетъ яснаго представленія о своихъ правахъ по личному обложенію служившихъ по рекрутскимъ наборамъ солдатъ,—и соотвѣтственно этому послѣдніе почти всегда облагаются такимъ-же порядкомъ, какъ и ссыльные. Жеребьевые солдаты гораздо тѣснѣе связаны съ общиною, и соотвѣтственно этому въ большинствѣ случаевъ подвергаются душевому обложенію: иногда—„годными душами“, иногда, вравнѣ со стариками и „служаками“—„полудушками“, и лишь въ меньшинствѣ случаевъ обложеніе солдатъ этой категоріи организуется соотвѣтственно имущественному принципу: во всей Ишимской волости, напримѣръ, на нихъ кладутся небольшія „накладки“, размѣромъ своимъ обыкновенно не превышающія „полудушка“; въ другихъ случаяхъ обложеніе солдатъ колеблется, въ зависимости отъ размѣровъ ихъ благосостоянія, между небольшою „накладкой“ и полнымъ окладомъ „годной души“.

Затѣмъ въ раскладкѣ платежей между полноправными и *связанными круговою порукой общинниками* имущественное начало въ огромномъ большинствѣ общинъ не играетъ совершенно никакой роли, а если и играетъ, то является обыкновенно не болѣе, какъ слабымъ коррективомъ, дополненіемъ къ основному—душевому и трудовому принципу раскладки: мы встрѣчаемъ прежде всего нѣсколько общинъ, гдѣ въ зависимости отъ болѣе или менѣе высокаго уровня благосостоянія каждаго отдѣльнаго лица измѣняется время его поверстанія въ полный окладъ или исключенія изъ послѣдняго. Въ нѣсколькихъ другихъ общинахъ, при полной неподвижности оклада „годныхъ“ душъ, оклады „малолѣтковъ“ и стариковъ измѣняются „по состоянію“; причемъ размѣры этихъ окладовъ колеблются въ болѣе или менѣе широкихъ предѣлахъ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ смыслѣ торжества имущественнаго принципа раскладки является порядокъ, принятый въ двухъ южныхъ сельскихъ обществахъ Нелюбинской волости - Рыбаловскомъ и Зоркальцевскомъ; раскладка податей и сборовъ основана здѣсь, вообще говоря, на обычной для изслѣдованнаго края комбинаціи ревизскаго и трудового принципа; но податной окладъ, причитающійся съ „убылыхъ“, не замѣщенныхъ „малолѣтами“ душъ, раскладывается между „годными“ душами не поровну, а посредствомъ небольшихъ „накладокъ по состоянію“.

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ „накладки“ имѣютъ, такъ сказать, ординарный характеръ,—являются нормальною составною частью системы обложенія каждой данной общины. Но въ нѣкоторыхъ общинахъ „накладки“ имѣютъ экстра-ординарный характеръ: ими облагаются такіе „богатѣи“, которые рѣзко выдаются изъ ряда остальныхъ членовъ общины и пользуются для своего земледѣльческаго хозяйства или иныхъ цѣлей (заготовокъ лѣса и т. п.) особенно обширными пространствами общинныхъ земельныхъ угодій,—по преимуществу владѣльцы наиболѣе крупныхъ заимокъ; ихъ облагаютъ, сверхъ душевой раскладки, экстра-ординарными сборами, размѣръ которыхъ доходитъ до 30 и болѣе рублей въ годъ. Но случаи обложенія богачей подобными „накладками“ сравнительно немногочисленны; гораздо чаще тѣ случаи, когда стремленія крестьянской массы къ установленію подобныхъ „накладокъ“ разбивались о сопротивленіе взявшихъ „засиліе“ богачей.

Бывали, затѣмъ, въ общинахъ изслѣдованнаго края и попытки *коренного* преобразованія раскладочныхъ порядковъ на началѣ имущественнаго обложенія. Первая такого рода попытка была сдѣлана, сколько намъ извѣстно изъ разсказовъ крестьянъ, въ Спасской волости: здѣсь, именно въ 1877 г., по иниціативѣ исправника, всѣ плательщики были разбиты по степени своего благосостоянія на три категоріи, и для каждой категоріи былъ установленъ особый размѣръ душевого оклада: для I-ой—10 р., для II-ой—8 р., для третьей—6 р. въ полугодіе; такой порядокъ продолжался однако всего 1½ года, послѣ чего—конечно, по настоянію богачей—былъ отмѣненъ.

Въ настоящее время стремленіе къ установленію порядка раскладки по благосостоянію и—въ частности—по количеству занятой земли наблюдается въ довольно многихъ общинахъ Чулымскаго района; но, исходя со стороны бѣдной части населенія, это стремленіе встрѣчаетъ энергическій отпоръ со стороны малочисленныхъ, но сильныхъ своимъ вліяніемъ богачей-заимочниковъ и почти нигдѣ, благодаря этому, не нашло себѣ осуществленія; примѣръ рѣзкаго обостренія борьбы изъ-за имущественнаго обложенія изслѣдователю пришлось наблюдать въ д. Воскресенкѣ (Почитанской волости); здѣсь „бѣднота", въ числѣ до 20 хозяевъ, раздраженная упорнымъ отказомъ богачей отъ платежа какихъ-либо сборовъ съ земли, въ 1890 году совершенно отказалась платить какіе-бы то ни было сборы и отбывать повинности, и незадолго до изслѣдованія у этихъ хозяевъ была произведена опись имущества.

Только въ двухъ селеніяхъ, и то только съ 1890 г., „бѣднотѣ" удалось провести имущественный или, точнѣе,—поземельный принципъ въ роль главнаго или одного изъ главныхъ основаній общинной раскладки,—именно въ с. Константиновскомъ и д. Тенгулахъ (оба Баимской волости). Въ первомъ *) поземельный принципъ примѣненъ пока еще только къ раскладкѣ волостныхъ и сельскихъ сборовъ: податной окладъ разложенъ по прежнему на „годныя" души, „малолѣтковъ" и „стариковъ"; сумму же, нужную на волостные и сельскіе расходы, постановлено, какъ говорится въ приговорѣ, „разложить слѣдующимъ порядкомъ: по исчисленіи нами пахатной земли, занимаемой обществомъ крестьянъ, въ этомъ-же числѣ отставные и уволенные въ запасъ арміи солдаты, занимающіеся хлѣбопашествомъ, признали, что по нашему обществу пашется земли 1.518 десятинъ, владѣющей личными хозяевами (?), на которую и приговорили разложить, и раскладываемъ сказанную сумму 561 р. 62 к., что и причитается на каждую десятину по 37 коп.".

Въ д. Тенгулахъ имущественно-поземельный принципъ раскладки **) проведенъ гораздо полнѣе: здѣсь принципъ раскладки по „годнымъ работникамъ" удержался по отношенію къ одному только виду сборовъ—къ сбору на земскую гоньбу; всѣ остальные платежи—окладные, волостные и сельскіе—разложены на важнѣйшіе элементы крестьянскаго благосостоянія—на землю и скотъ: „по здравому между собою сужденію,—читаемъ мы въ приговорѣ,—въ виду облегченія платежа сборовъ бѣдныхъ плательщиковъ, всѣ единогласно приговорили: разложить не по душамъ, а на занимаемыя старшими членами каждой семьи десятины пахатной и сѣнокосной земли поровну, а равно на лошадей и коровъ, тоже по ровну, а именно: съ 1.197 десятинъ земли по 30½ коп. съ десятины, итого 365 р. 8½ коп., и съ

*) См. приг. сельск. схода 1. II. 1890 г.
**) См. приг. 30. IX и 8 X. 1890 г.

714 штукъ скота по 20 коп. со штуки—142 р. 80 коп. Всего 507 р. 88½ к.“ Раскладка произведена въ д. Тенгулахъ на основаніи спеціально для того произведенной переписи скота и землепользованія, при чемъ при расчетѣ количества сѣнокосной земли каждыя сто заготовленныхъ копенъ принимались за три десятины сѣнокосной земли; перепись производилась на основаніи показаній самихъ домохозяевъ, при чемъ тѣмъ-же приговоромъ постановлялось: „въ случаѣ утайки кѣмъ-либо земли или скота подвергать штрафу: съ десятины земли 3 р., и по 1 р. со скотины“.

А. Кауфманъ.